

**ГОЛОС
ЗАРУБЕЖЬЯ**

22

МЮНХЕН 1981

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. Федосеев.</i> Современный Чингиз Хан	1
<i>В. Пирожкова.</i> Во что бы то ни стало?	4
<i>Веренфрид ван Страатен.</i> "Бедный кардинал"	6
<i>И. Мацкевич.</i> Как и из чего возник "РАХ" (Глава из книги "Победа провокации")	9
<i>Д. Штурман.</i> Односторонняя битва	13
<i>В. Кобылин.</i> Столыпин (К семидесятилетию со дня смерти)	18
<i>С. Т. Физики, химики и энергетический кризис</i>	23
<i>Е. Кармазин.</i> Экономические заметки (Возрождение сталинизма в экономике)	27
<i>Протоиерей Д. Константинов.</i> Милосердная простота (Общедоступная религиозная беседа)	29
<i>Игумен Геннадий (Эйкалович).</i> Метapolитика	31
<i>Э. Бройде.</i> Чеховские Университеты. 1881—1981	37
<i>Владимир Рудинский.</i> Обзор зарубежной печати	41
<i>Валентин Зарубин.</i> Незамеченная книга	44

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 22

Сентябрь 1981

МЮНХЕН

А. ФЕДОССЕВ

СОВРЕМЕННЫЙ ЧИНГИЗ ХАН

Все основы современной науки и техники были заложены в фундаментальных открытиях 17, 18 и 19 веков. Это был блестящий взрыв проникновения человеческого разума в тайны природы. Ампер, Ом, Паскаль, Лейбниц, Ньютон, Фарадей и многие, многие другие были отцами современной науки и техники. Конечно, все это еще зрело в недрах Средних Веков, но было завершено блестящими открытиями именно в этот период.

Это великолепное проявление мощи человеческого разума буквально потрясло образованную часть человечества настолько, что родился культ человеческого разума. Этот культ достиг своего апогея в утверждении, что мощь человеческого разума неограничена и требуется только время и труд для достижения любой поставленной перед человеческим разумом цели.

Не было ничего удивительного в том, что немедленно возникла и идея совершенного человеческого общества, которое теперь можно было построить на базе всемогущего человеческого разума. Общества, построенного на высших, надличностных справедливости, равенстве, братстве и свободе, управляемого согласно разумной, хорошо продуманной единой организации. Общества, похожего на великолепную идеальную машину, обеспечивающую всем счастливую жизнь без особых усилий с их стороны. Словом, — рай.

Действительно, если мощь человеческого разума безгранична, как утверждают социалисты, то такое общество — общество социализма, т.е. рай на земле, безусловно, возможно.

Если, однако, человеческий разум есть нечто перед промыслом Бога, как утверждает религия, социализм есть неосуществимая утопия. Нельзя утверждать социализм, не отвергая Бога. Идея Бога отвергает всемогущество человеческого разума и, следовательно, отвергает социализм.

Будущие большевики, восхитившись идеей социализма, естественно, отвергли Бога, как опиум для народа. Не без основания они же ре-

шили, что именно их разум особенно подходит для цели осуществления социализма.

Еще до революции в России Ленину уже было ясно первое и главное условие для построения социализма. Нельзя строить высокоорганизованное, единое общество социализма, основываясь на тех понятиях равенства, братства, справедливости и свободы, которые имеет каждый отдельный человек. Этих разных понятий столько, сколько людей на свете. В то же время, убедить всех людей следовать только единым, надличностным, а не индивидуальным, понятиям равенства, братства, справедливости и свободы было абсолютно невозможно. Ленин уже знал, что это можно сделать только силой. Оказалось, что организация социализма и осуществление концентрации власти над всеми в руках наиболее "правильных социалистов" есть одна и та же цель. Достигнуть ее можно было, только полностью развалив существующее буржуазное общество и построив новое, социалистическое, на трупах несогласных и нерешительных. Эту "почетную" задачу блестяще выполнил Сталин, уничтожив 67 миллионов людей и создав уникальную административную структуру государства социализма, действующую и поныне.

По ходу превращения социализма в зрелый социализм обнаружилось еще принципиальное препятствие. Первое было предсказано уже давно. Дело в том, что в современном мире все государства друг от друга зависят. Единое планирование СССР оказывалось "хромым" в условиях сосуществования с капиталистическим хаосом в остальном мире.

Капиталистические страны приспособлялись к взаимной зависимости с помощью международной торговли, туризма, с помощью миллионов политических, экономических и культурных взаимодействий. Для социалистической страны такой способ был эквивалентен отказу от организованности и единого плана социализма, т.е. был абсолютно неприменим. Еще важнее, это было связано с потерей той огромной концентрации власти над людьми, которую

обеспечивало общественное хозяйство социализма для управителей. Это могло быть связано, кто знает, и с потерей для них жизни. Единственным способом сохранения социализма, а следовательно, власти и жизни его управителей, было постепенное завоевание всего мира и создание мирового правительства для управления мировым плановым (социалистическим) хозяйством.

Возникло также и непредвиденное препятствие на пути социализма. Жители СССР, превратившись в винтики и болтики высокой организации социализма, потеряли всякий интерес к социалистической деятельности и принялись искать личный интерес за пределами правил и организации социализма, разрушая интенсивно последний бездельем, воровством государственного имущества, взяточничеством, прогулами, пьянством и т.п. И это понятно.

В 1914 году средний уровень жизни наемных работников царской России несколько превышал таковой для Англии. К 1968 году Англия повысила уровень жизни более чем в 2 раза, а СССР допелся только до 47% от царского. Эти расчеты основываются на реальных ценах в магазинах и на действительных зарплатах.

Конец хрущевской эры характерен нарастающим в населении СССР крайне разрушительных, антисоциалистических тенденций. Этот процесс продолжается теперь с нарастающей быстротой.

Конечно, управители еще раньше поняли, что со всеми компьютерами всемогущество человеческого разума есть чистейший вздор. Как и все население, управители убедились, что социализм есть дерьмо, а не рай. Он даже не мог обеспечить прочность и стабильность власти управителей. Однако социализм, и только социализм, был основой их власти, какая бы она ни была. Переделывать социализм в человеческое общество означало потерять власть, а с ней и жизнь. Управители тоже оказались в плену у социализма. Влезть в социализм было много легче, чем вылезти из него.

Однако среди всех неудач у социализма оказалась и сильная сторона. Оказалось, что военная машина и социализм буквально созданы друг для друга. Уставы армии, армейская дисциплина, иерархия подчинения в точности соответствовали структуре социализма. Военная машина достаточно проста для ее точного планирования и расчета, цели и направления развития военной машины вполне ясны. Приоритеты так же ясны.

Гражданская же машина отказывалась следовать планированию. План был не в состоянии предусмотреть и учесть все миллиарды необходимых взаимодействий между людьми. Приоритеты оказывались неясными из-за неохватного множества нужд людей и ограничен-

ности ресурсов.

В результате возникла совершенно парадоксальная ситуация: полностью разваливающееся гражданское хозяйство и совершенно процветающая военная машина.

Нетрудно сообразить, что в этой ситуации переброс ресурсов из военной машины в гражданское хозяйство развалит процветание военной машины и не поднимет гражданское хозяйство. Перековать мечи на орала социализм не в состоянии: не будет ни мечей, ни орал. Именно мечи являются специальностью социализма. Орала он производить не умеет. Итак, к концу хрущевской эры выяснилось:

1. Социализм (в любом, хоть китайском, исполнении) не способен создать рай. Наоборот, обязательно создаст ад.

2. Социализм превосходит для создания самой мощной в мире военной машины.

3. Единственная перспектива для сохранения социализма, власти и жизни его управителей только во внешних завоеваниях.

Внешние завоевания и всегда были нужны социализму, но теперь они стали вопросом жизни и смерти и социализма и его управителей. Поэтому, начиная с конца хрущевской эры, происходит систематическое наращивание средств и возможностей социализма для внешних завоеваний. Дипломатических, политических, диверсионных и, конечно, военных, включая, прежде всего, военный шантаж. СССР превратился в государство Чингиз Хана, т.е. в государство тотальной военно-политической машины.

Обратимся теперь к очерку этой тотальной военной машины.

Каждое предприятие и учреждение СССР имеет почти никому неизвестный отдел №2. Его часто путают с хорошо всем известным первым отделом, являющимся органом КГБ на любом предприятии и в любом учреждении СССР.

Функция таинственного и незаметного отдела № 2 — учет имеющихся ресурсов, мобилизационная готовность этих ресурсов и осуществление давно заготовленных мобилизационных планов по приказу из центра на случай войны или других конфликтов.

Существование этого отдела в мирное время подчеркивает военную направленность социализма. Его наличие во всех, казалось бы, гражданских, не говоря о военных, предприятиях и учреждениях, уже говорит о том, что для военной машины СССР чисто гражданских предприятий или учреждений не существует. Все, так или иначе, обслуживает военную машину.

В СССР имеется огромное количество научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и предприятий, скрывающихся за номерами почтовых ящиков и работающих

полным ходом и в полном секрете на войну. Для дополнительного камуфляжа эти предприятия часто имеют самые невинные названия. Например, институт сельскохозяйственного машиностроения, целиком занятый электронным оборудованием для военных ракет. Или институт судостроения, целиком занятый электроникой для военного морского флота. Или завод холодильников, занятый производством военных радаров. И т.д. и т.п.

Соответственно, расходы на работу этих институтов и предприятий включаются в расходы на сельское хозяйство, судостроение и т.п. и скрываются в огромной и секретной финансовой документации министерств.

Следующая категория предприятий и институтов – состоящие из двух частей: открытой, работающей на невинные гражданские нужды, и секретной, работающей под прикрытием первой целиком на войну. Если ресурсы первой, как правило, граничат с нищетой, то ресурсы второй, как правило, достаточно большие.

Что вы скажете о фабрике трикотажа, обязательно имеющей закрытый для посторонних цех специального военного трикотажа? Или, скажем, фабрика детских игрушек с секретным цехом для производства эхо-лотов для военных катеров.

Во многих случаях военные изделия настолько невинны по виду, что их могут производить на виду, среди других, но под строгим учетом и специальным военным контролем качества.

Многие гражданские изделия так конструируются, чтобы послужить основой военного производства. Все суда гражданского флота СССР снабжаются аппаратурой и штатом для ведения разведки. Все они так конструируются, чтобы, в случае нужды, выполнять прямые военные планы. Военно-мобилизационные планы и планы военного производства не оставляют без внимания ни одно предприятие СССР и ни одного человека. Все трудоспособное и боеспособное население страны находится на учете так называемых военкоматов в любое мирное время.

Масштаб тотальности военной машины СССР можно оценить из следующего.

Все военные предприятия и научно-исследовательские институты (секретные и номерные) уже много лет имеют планы производства тех или иных предметов гражданского потребления. Гражданское производство настолько плохо работает, что государство не может выудить у населения получаемую им зарплату в обмен на недостаточные по количеству и качеству товары или услуги. Приходится продавать огромные количества спирта, водки и вина, чтобы с грехом пополам сводить концы с концами в бюджетах. Поэтому и при-

ходится использовать отбросы и излишки военной машины для производства на военных предприятиях гражданских изделий. Для примера: военный институт электронных приборов, в котором я работал, выпускал коньки и вертелы для жарения мяса.

СССР для обеспечения наиболее важной части населения закупает и на Западе, и у спутников всевозможную гражданскую продукцию, которая получает неожиданное военно-стратегическое значение. Она позволяет освободить тотальную военную машину СССР для выполнения военнопромышленных задач в условиях постоянного и глубокого недостатка потребительских товаров. Это также сберегает ограниченные ресурсы сырья для их использования в военных целях.

Последнее время гражданское производство настолько захирело, что Политбюро было вынуждено обязать военнопромышленный комплекс начать разработку жизненно необходимого оборудования и некоторых изделий для допотопной гражданской промышленности. Так сказать, между делом. Это, кстати, показывает, что и все инженерные и научные силы сконцентрированы в военной машине, оставляя для гражданского употребления лишь бесталанные отбросы.

Такая же тотальная мобилизация в интересах войны происходит и в населении СССР. С пеленок дети учатся ненавидеть капиталистический мир и восхвалять социализм. Все дети учатся маршировать, подчиняться командирам и выполнять вспомогательные военные задачи. Каждый ВУЗ имеет курс военных предметов и выпускает инженеров с низшим офицерским званием. Каждый из них обязан проходить регулярные военные сборы для освежения военных знаний и иногда для повышения в чине.

Все ВУЗы ведут исследовательские секретные работы для военной машины. Как известно, в СССР имеется всеобщая военная повинность и все обязаны иметь военную подготовку. По моей оценке доля гражданского хозяйства в общем хозяйстве СССР составляет от 15 до 20%. От силы – 25%.

Еще раз хочу подчеркнуть, что в СССР нет ни научных, ни технических исследований, ни каких бы то ни было производств, которые так или иначе не были бы включены в обслуживание военной машины.

Что касается всей весьма многообразной деятельности СССР за пределами своих границ, то она тоже целиком и без исключений обслуживает цели внешних завоеваний для СССР.

Кроме подпольной и террористической деятельности, экономические диверсии СССР организуются через сеть советских банков на Западе и в остальном мире и через сеть западных банков, выполняющих услуги для СССР. Вся

остальная дипломатическая и торговая представительская машина СССР тоже целеустремленно работает для целей внешних завоеваний. Заказы СССР на проектирование и постройку крупных предприятий в СССР, щедро обеспечиваемые западными займами на чрезвычайно льготных условиях, с одной стороны, всегда укрепляют именно военную машину СССР, и с другой, ставят экономику некоторых западных стран в экономическую зависимость от СССР и обеспечивают ему политическую поддержку среди населения и общественных деятелей.

Ту же цель, поставить экономику некоторых стран Запада в зависимость от СССР, преследует продажа Западу крайне недостающих внутри СССР энергии, нефти, газа, стратегического сырья, а в случае спутников даже остро дефицитного продовольствия. Такая стратегия и тактика позволяет и без применения военной силы шантажировать и финляндизировать Европу.

Западным жителям и деятелям невозможно даже представить себе, насколько абсолютно вся заграничная деятельность СССР от дипломатической до террористической организует-

ся и управляется из одного центра — Политбюро и аппарата ЦК КПСС. Насколько она тесно увязана со всей тотальной военной машиной внутри и снаружи СССР и насколько она подчиняется единой цели распространения власти социализма по всему миру.

Военное столкновение в Европе, и тем более ядерное (к ним СССР подготовлен) едва ли будет необходимым. Европа, а затем и Америка, имеют перед собой перспективу потерять независимость и пасть к ногам социализма без единого выстрела. Этому, кстати, миллионы наивных людей на Западе во главе со своими сбитыми с толку интеллектуалами всеми силами способствуют.

Централизованную до предела и высокоорганизованную наступательную машину СССР невозможно сдержать или ограничить никакими средствами. Единственный способ защитить свою независимость для Запада — перейти от обороны к атаке и к ликвидации социализма. Сделать это будет можно, только войдя в союз с русским и другими народами СССР против общего врага человечества — социализма — и во имя свободы и независимости всех стран.

В. ПИРОЖКОВА

ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО?

Статья, подписанная фамилией автора, не обязательно во всех своих высказываниях выражает мнение редакции или издателей журнала, в котором она помещена. Так и в "Голосе Зарубежья" печатаются статьи, не со всеми тезисами которых мы согласны. Однако, если в какой-либо статье есть принципиальные высказывания, с которыми мы не можем согласиться, мы на это указываем в предисловии или примечании. Так что если редакция не сделала к статье такого примечания, то можно считать, что у нее нет с автором этой статьи серьезных принципиальных разногласий.

В статье "Подвиг", напечатанной в № 13 "Русского Возрождения", Л. Келлер пишет следующее об о. Дудко: «Альтернатива "или покаешься, или вышлем". А это надо было избежать во что бы то ни стало.» (стр. 116).

В этих двух фразах постулируется новый принцип: высылки за границу надо избежать "во что бы то ни стало", иными словами, любой ценой.

Поняли ли читатели этой статьи, что здесь переворачиваются наоборот все существовавшие до сих пор принципы, которыми жила политическая эмиграция? О христианском аспекте этого нового принципа мы скажем позже.

Эмиграция приносила жертву ухода со сво-

ей родины и жизни в чужих странах во имя совести, во имя веры. Она уходила именно потому, что не могла оставаться "во что бы то ни стало" и любой ценой. Она уходила потому, что не хотела кривить душой, делать компромиссы с совестью, служить безбожному и варварскому режиму, богоборческой идеологии. Этих людей никто не высылал. Они бежали сами, по крайней мере, большинство из них. Они рисковали жизнью, чтобы спасти совесть, ибо совесть была и есть для них важнее жизни. Вспомним "В круге первом" А. Солженицына, как хохочут арестанты, притом еще "круга первого", сравнительно благополучной шарашки, когда Рубин указывает на то, что самым страшным наказанием является по советским законам высылка за границу. Кто из них не согласился бы с радостью на эту высылку! Если б еще Л. Келлер написала, что о. Дудко грозило длительное заключение и он не нашел в себе сил пойти на это, но нет: альтернативой была высылка за границу! И вслед за советским законодательством Л. Келлер считает высылку самым страшным наказанием!

Для того, чтобы избежать высылки, можно идти на все, можно заключать любые компромиссы с совестью, можно выступать с призы-

вом объединяться вокруг советской власти. Любой ценой, только бы остаться на советской родине. Вспомним, как писал А. Солженицын: "День будущего освобождения? — он лучше, как восходящее солнце. И вывод: дожить до него! дожить! любой ценой! Это просто словесный оборот, привычка такая: "любой ценой".

А слова наливаются своим полным смыслом и страшный получается зарок: выжить любой ценой!

И тот, кто даст этот зарок, кто не моргнет перед его багровой вспышкой — для того свое несчастье заслонило и все общее, и весь мир.

Это — великий развилочный лагерь жизни. Отсюда — вправо и влево пойдут дороги, одна будет набирать высоты, другая низеть. Пойдешь направо — жизнь потеряешь, пойдешь налево — потеряешь совесть." (Архипелаг часть III "Душа и колючая проволока", стр. 590, 1974 г.)

Так у Солженицына говорится о возможной потере жизни! И даже за нее нельзя цепляться во что бы то ни стало, нельзя делать себе зарок выжить любой ценой! А здесь дело идет о высылке за границу! Так можно стараться избежать ее любой ценой? В том числе и ценой потери совести?

Мы подчеркиваем, что это — девиз статьи Л. Келлер, мы вовсе не утверждаем, что это было девизом самого о. Дудко. Мы не знаем, что побудило его выступить по московскому телевидению. Может быть, это была обычная человеческая слабость, от которой никто из нас не застрахован. Может быть, о. Дудко ни когда не заявлял, что все позволено для того, чтобы избежать эмиграции. Делают это его некоторые слишком рьяные поклонники, оказывая тем самым ему плохую услугу. Человеческую слабость и сдачу они возводят в принцип, больше того, трансформируют эту слабость и сдачу в подвиг. Получается, что не о. Глеб Якунин, выстоявший и посланный — не за границу, нет, нет, — посланный в страшный лагерь, совершил подвиг. Подвиг совершил тот, кто сдался, капитулировал перед советской властью*. Вот эта переоценка ценностей страшна!

Никакие рассуждения не могут оправдать девиза, что лучше согласиться выступить в качестве пропагандиста советской власти, чем стать эмигрантом. На западе, мол, пошуме-

ли бы вокруг имени о. Дудко, а потом забыли бы его. Согласны. Но мы понимаем служение христианина и, особенно, священника, иначе. Не в том его служение, чтобы непрерывно стоять на пьедестале славы, а в том, чтобы каждодневно скромно трудиться на ниве Божией. А это можно делать повсюду, в эмиграции так же, как на родине. Или, если на родине не дают спокойно исполнять пастырский долг, то итти на страдания, как это сделал о. Глеб Якунин.

Когда первые христиане подвергались преследованиям римских императоров, никто не считал подвигом преклонение перед императором. Подвигом считалось мученичество, и из крови этих мучеников выросла Церковь. Из соглашательства и сдачи совести она бы не выросла. И сейчас, если она стоит, то она стоит на мучениках, а не на соглашателях.

Еще раз: мы не знаем, согласился ли бы сам о. Дудко с тезисом некоторых его защитников. Мы так же не знаем, чем ему грозили, высылкой ли или заключением и лагерем. Может быть, у г-жи Келлер есть какие-то особые связи, и она хорошо знает, что ничем страшным о. Дудко не грозили, грозили только высылкой. Мы, повторяем, этого не знаем.

Мы подчеркиваем еще раз, что здесь дело совсем не в личности о. Дудко, не в его взглядах и поступках, о побуждениях которых мы не осведомлены. Мы здесь говорим только о той части эмиграции, которая провозгласила лозунг: "любой ценой." Мы не можем стать на точку зрения "цель оправдывает средства", даже, если цель представляется весьма хорошей. В данном же случае для нас и цель весьма сомнительна. Та часть эмиграции, которая считает, что все средства хороши, только можно было остаться на советской родине, перечеркивает свое собственное эмигрантское существование, лишает самих себя смысла своей жизни.

Но и на родине лозунг "любой ценой" не приведет к возрождению, напротив, он может привести только к тому моральному нисхождению, о котором писал А. Солженицын. Мы, однако, уверены, что это только лозунг заблудшей части эмиграции, а не истинных борцов на родине.

* *

*

* Как выглядит этот "подвиг" в реальности, видно из следующего: "Дело в отношении о. Дмитрия Дудко официально прекращено. После объявления о прекращении уголовного дела о. Дудко заявил: "Я благодарен советской власти, которая так гуманно отнеслась ко мне. Я никогда впредь не совершу никаких преступлений и буду честно работать на благо церкви и родного отечества". "Русская мысль" № 3370, 23.7.1981, стр. 7.

”БЕДНЫЙ КАРДИНАЛ”

ОТ РЕДАКЦИИ: Во всех странах коммунистической диктатуры верующие всех религий попадают в тяжелое положение. Политика коммунистических диктаторов колеблется между прямым и кровавым преследованием и известным "сосуществованием" с верующими разных религий. При этом тактики коммунизма стараются связать Церковь и другие общины верующих и подчинить их своей политике. Верующие несвободны ни в одной из коммунистических диктатур, степень несвободы, однако, различна. Различна и степень подчинения иерархии диктатуре, а так же взаимоотношения верующих и их иерархии.

Останемся при рассмотрении положения христианских церквей разных вероисповеданий. Как в самих коммунистических странах, так и среди эмиграции соответствующих стран мнения относительно того, как должны вести себя христиане по отношению к богоборческой власти, разделились. Одни считают, что большинство иерархов церквей в коммунистических странах поступают правильно, если они не только подчиняются власти, но и включают в ее лживую пропаганду. Так, мы не так давно получили письмо, где говорится, что патриарх Московской церкви даже мученик и своим подчинением власти спасает церковь. Мы не беремся судить действия патриарха. Мы живем в свободном мире и потому лишены права выносить какие-либо приговоры относительно образа действий тех, кто живет под коммунистической диктатурой, но все же мы напомним, что в первые времена христианства мучениками считали тех, кто отказывался воскурять фимиам римским императорам и шел на мученическую смерть. Тот, кто воскурял фимиам, — безразлично каким образом он это обосновывал, — мучеником не считался.

Проблемы христианских церквей в коммунистических диктатурах очень похожи друг на друга, независимо от того, к какому вероисповеданию принадлежит большинство населения несчастной страны, попавшей под коммунистическую диктатуру. Как следует вести себя? Подчиняться во всем, и в вопросах религии и совести, этой власти? Делать вид, что в стране нет никаких религиозных преследований? Или оставаться с истиной, даже если придется взять на себя тяжелую судьбу? Даже если придется уйти в катакомбную церковь, — если таковая в стране имеется.

Мы считаем, как мы уже сказали, что эти проблемы, мучительные вопросы, которые встанут перед каждым отдельным христианином, мало чем отличаются друг от друга в церквях разных христианских вероисповеданий. Поэтому мы помещаем в переводе на русский

язык письмо о. Веренфрида ван Страатена, которое он написал венгерскому кардиналу. Это письмо касается именно всех этих выше названных тяжелых проблем. Отметим, что о. Веренфрид ван Страатен бесконечно много помог и помогает всем пострадавшим от коммунизма, людям разных национальностей и разных вероисповеданий. Письмо было напечатано в журнале "Fels" ("Камень") 30 июня 1981 г.

Ваше Высокопреосвященство, конечно, я бы предпочел не вступать в дискуссию с Вами по поводу нашего сообщения об умирающей церкви в Венгрии (журнал "Эхо любви", за июнь 1980 г.) и Вашего ответа на эту статью 15 ноября 1980 г. Но Ваш широко распространенный во многих странах ответ вводит в заблуждение наших верующих, возводит напраслину на Ваших же священников и прославляет незаслуженно венгерское правительство, меня же самого Вы называете лжецом. Поэтому я считаю, что почтение к Вашему сану должно отступить перед любовью, которую я питаю как к истине, так и к Вашему страдающему стаду.

1. Прежде всего отмечу, что критикуемое Вами сообщение о положении церкви в Венгрии, написано не мною, а одним из Ваших священников в Венгрии. Поэтому за Ваше утверждение, что здесь дело идет о "куче лжи" Вы должны дать ответ:

а) перед священником, который, правда, в отличие от Вас не получил поощрения со стороны коммунистического государства, но много страдал ради Христа и остался Ему верен;

б) перед нашими друзьями и советниками в Венгрии, которые проверили и подтвердили правильность того, что мы сообщили о положении церкви в Венгрии;

в) перед сотнями Ваших священников и верующих, которые нас умоляли опубликовать это сообщение без сокращений, и теми, кто благодарил нас за опубликование.

2. Ваше утверждение, что я рассказываю "кучу лжи", только, чтобы "произвести впечатление на людей и получить деньги" относится к человеку, который хотя имеет очень много слабостей, но все-таки есть орудие Божие для помощи церкви в нужде. По поручению и с благословения четырех Пап он проповедует 35 лет любовь к ближнему. Он был другом Вашего предшественника, кардинала Миндсенти. Ему доверяют десятки кардиналов, сотни епископов, тысячи священников и сотни тысяч верующих. Миллионы беженцев и гонимых ему благодарны. В прошлом году мы помогли церкви в Венгрии и

ее бежавшим чадам суммой в 2 262 043 доллара.

Можете Вы ответить за свой уничтожающий приговор моей деятельности и моим намерениям перед лицом венгерских епископов, старых священников, изгнанных из монастырей монахинь, дискриминированных священников, верующих, молящихся нередко в разваливающихся церквях, отчаянно борющихся за свое существование католических школ? Они все просят нас о помощи и все принимают ее с благодарностью!

3. Автор опубликованного нами сообщения жалеет о Вашем отрицательном отношении к общинам, возникшим в самом базисе церкви. Вы же пишете, что цените эти группы и даже присутствовали на одном из их собраний 25 мая 1980 г. (наше сообщение было тогда уже напечатано). Здесь дело идет о встрече в Нагимаросе, где Вы, согласно нашей информации, старались подчинить всю деятельность этих общин своему контролю, тем самым контролю государства. Вы различаете между "двумя родами общин", и это представляется попыткой расколоть и разрушить движение.

Вы не возражаете на обвинение, что Вы — без сомнения под давлением правительства — старались побудить конференцию епископов вынести отрицательное суждение об общинах и неправильно осветили их в 1977 г. перед Папой Павлом VI. Вы хвалите общину в Нагимаросе, но осуждаете снова 52 другие общины за то, что они, по Вашему мнению, антимилицитаристичны, создали катакомбную церковь и оказывают сопротивление коммунизму.

Ваше отношение к этим общинам высказалось ясно, когда Вы в конце 1979/1980 учебного года исключили из семинарии 6 богословов — будущих священников, которые церкви так нужны, — за то, что они участвовали во встречах этих общин.

Я могу понять, что общины и молодежь недовольны Вашей политикой по отношению к коммунизму, считают эту политику слишком уступчивой. Но это не дает Вам права возводить на эти общины тяжелые обвинения, которые звучат как речи представителей тоталитарного режима, только потому, что они борются за большую свободу веры, даже если они делают ошибки или перехватывают через край.

Вы никогда не задумывались в связи с критикой со стороны молодежи о том, правильна ли Ваша политика, хороша ли она для будущего церкви в Венгрии?

4. Вы не отрицаете, что движение "священников мира"* имеет большое влияние и что к

нему принадлежат даже епископы. Но Вы делаете разницу между положением до венгерского восстания в 1956 г., когда "священники мира" были "независимы" от иерархии, — на самом деле их руководители были мятежниками, отлученными от церкви в 1957 г., — и настоящим временем, когда те же священники действуют теперь в контакте с иерархией.

Эта разница существует, но не потому, что обратились "священники мира", а потому, что изменилась иерархия. С тех пор, как епископы покинули стезю кардинала Миндсенти, а "священники мира" под давлением правительства были хиратонисаны в епископы, единство между "священниками мира" и иерархией было восстановлено, но на таком уровне, которым никто не может гордиться!

5. Вы защищаете "восточную политику" Ватикана. Как аргумент Вы приводите назначение кардинала Касароли государственным секретарем. Я высоко ценю теперешнего государственного секретаря. Я ему благодарен за то, что он мне никогда не чинил препятствий оттого, что я расхохотился с ним во мнении относительно ватиканской "восточной политики". Я убежден, что он взял на себя риск этой политики лишь из любви к церкви и к нашим гонимым братьям. Я даже думаю, что это была его обязанность — попытаться использовать малейший шанс для облегчения положения гонимой церкви. Но я не могу согласиться с Вами, что его назначение государственным секретарем означает, что нынешний Папа разделяет мнение, что "венгерский путь малых шагов и договоров" должен быть продолжен. Кстати, теперь за внешнюю политику Ватикана отвечает другой "министр иностранных дел", монсеньор Сильвестрини.

6. Вы уклоняетесь в Вашем интервью от ответов на вопросы по поводу заключения кардинала Миндсенти*, хотя Вы были его сек-

* Для наших молодых читателей, уже не знающих недавней истории из собственного опыта, отметим следующее: кардинал Иосиф Пема-Миндсенти был первый раз арестован в 1919 г. при диктатуре Бела Куна, когда он был еще простым священником. Он помогал, как мог, жертвам нацизма, в том числе и евреям, когда нацисты властвовали в Венгрии, за что был арестован в 1944 г. Когда к власти пришли коммунисты, он занял столь же непримиримую позицию и по отношению к новой богоборческой власти. Перед арестом в 1948 г. кардинал Миндсенти передал друзьям записку, где писал, что если он скажет что-либо противоречащее его убеждениям, то этому верить нельзя, это будет только означать, что он сломлен пыткой. Кардинал подвергался страшным физическим пыткам, и из него вымучили заявление, весьма слабое, относительно которого все знали, что оно дано под пыткой. В 1949 г. состоялся процесс над кардиналом Миндсенти. Сразу же в начале венгерской революции 1956 г. кардинал был освобожден из заключения курсантами-танкистами. Кардинал стал сразу же на сторону повстанцев. Когда восстание кроваво подавлялось, он благословлял повстан-

* "Священники мира" в Венгрии соответствуют организации РАХ (мир) в Польше. См. главу из книги И. Мацкевича "Победа провокации", которую мы печатаем в этом номере журнала. Прим. ред.

ретарем, Вы делили его участь заключенного при господстве нацизма. Вы покинули его путь, один Бог знает, под каким давлением. И у Вас не нашлось лучшего ответа, как риторическое восклицание: "А разве Кадар, секретарь партии, не был под арестом при Сталине?" Как можно сравнить кардинала св. Церкви с коммунистом, который предал своих товарищей по венгерскому восстанию, предал их на виселицу и который дает полную свободу министру по церковным делам стремиться к разрушению Церкви Христовой?

7. Вы пишете так же о письмах нынешнего Папы венгерским епископам, священникам, монахам и верующим. Вы не находите там критики того, как ведет дела венгерская иерархия. Я не знаю точно, какие письма Вы имеете в виду. Я знаю, что одно очень ясное письмо, касающееся наболевшей проблемы преподавания Закона Божия, было полностью опубликовано в католическом еженедельнике. Но я так же знаю, что режим резко урезал тираж этого еженедельника, так что только очень малое число венгерских католиков может иметь его в руках. И я тоже знаю, что текст этого письма, прочитанный по Вашему распоряжению во всех венгерских церквях 1 июня 1980 г., был изуродован. В полном тексте письма 556 строчек. От них осталось в тексте, посланном в приходы, 177 строчек, 37 из них Вы заменили своими словами, а 343 строчки папского послания (61,7%) Вы вычеркнули.

Вероятно, Вы сделали это по распоряжению министерства по делам церкви, которому Вы подчиняетесь. Я не могу судить, какое давление на Вас оказывали. Я готов верить, что Вы не могли предотвратить этого скандала. Но как можете Вы в виду этой страшной ситуации выступать на пресс-конференции, в интервью по радио и телевидению, а также в личных разговорах с европейскими епископами как пропагандист коммунистического режима? Как можете Вы переворачивать истину и смущать тех, кто жалеет Вашу гонимую церковь, Вашими сверхоптимистическими заявлениями?

8. Во все чаще произносимых Вами хвалебных речах по адресу венгерского правительства утверждаете Вы, что не церковь, а марксизм осуществил социальное учение церкви. "Не мы, церковь, осуществили Quadragesimo

anno*, а марксизм..." Если это так, то чем объясняете Вы катастрофическое уменьшение рождений в Вашей стране? Чем объясняете Вы волну самоубийств, которая вынесла Венгрию на одно из первых мест в мире по самоубийствам?

Социальная справедливость не исчерпывается заботой о материальном или бесплатной врачебной помощью "даже священникам", она требует прежде всего уважения к личности, к достоинству и свободе, — в первую очередь свободе совести и свободе веры человека. А как все это выглядит в коммунистической Венгрии? Как может Quadragesimo anno быть выполнено тем самым марксизмом, который так сурово осуждался этой энциклопедией?

Когда Папа Пий XI в Quadragesimo anno выразил свое огорчение, что "столь многие наши сыновья дезертировали из лагеря церкви в ряды социализма", он и не предполагал, что Вы, кардинал, через 50 лет будете в рядах тех, кто унижает свою Мать Церковь, капитулирует и играет на руку врагу, выставляя ему свидетельство, что он более христиански настроен, чем церковь...

Это ужасное письмо. Я много бы дал за то, чтобы не иметь надобности его писать. Но Вы принудили меня к этому. Мне очень жаль.

Простите мне, Ваше Высокопреосвященство, что я вынужден защищать Ваших священников, Вашу паству, Вашу угнетенную страну и святую Церковь Божию против Вашей уступчивости. Я не намерен быть Вашим судьей. Я не сужу о Ваших намерениях. Но я дал слово Вашему предшественнику сделать все, чтобы помочь его пастве.

Я стою на службе гонимой церкви, одним из самых трагических представителей, которой Вы являетесь. И Вы — жертва церковных гонений. Я молюсь о Вас ежедневно. Господь да поддержит Вас в час нужды, которая поистине велика. Пусть Он даст Вам силу на великий подвиг. Приезжайте на Запад, Ваше Высокопреосвященство. Проповедуйте здесь с крыш истину о том, что представляет собой концлагерь Венгрия, покажите истинное лицо тех, кто преследует Церковь Божию, расскажите о дьявольских методах, которые Вас внутренне разрушили. И уйдите после этого в тишину. Один с Богом. Благослови Вас Бог.

Веренфрид ван Страатен
Кенигштейн (Германия) 9 февраля 1981 г.

Перевод с немецкого

цев. Кардинала Миндсенти приняло американское посольство в Будапеште, где он прожил 15 лет, отказываясь поверить посулам Яноша Кадара и отказываясь пойти на уступки коммунистическому режиму. О. Веренфрид ван Страатен, письмо которого мы печатаем, был в Венгрии во время революции и виделся тогда с только что освобожденным кардиналом Миндсенти. Только под конец своей жизни кардинал Миндсенти согласился покинуть Венгрию и выехать в Рим. Он скончался в 1975 г. После его смерти вышла книга его воспоминаний. Прим. ред.

* Энциклика (окружное послание), посвященная социальным вопросам, которую написал Папа Пий XI 15 мая 1931 г. Прим. ред.

Мы предлагаем вниманию читателя главу из интересной и важной книги известного польского писателя Иосифа Мацкевича "Победа провокации". Перевод с польского сделан Валентином Яром. Книга выйдет в ближайшем будущем на русском языке в издательстве "Заря", Лондон, Онтарио, Канада.

КАК И ИЗ ЧЕГО ВОЗНИК "РАХ"

Основной мыслью коммунистов при создании этой диверсии было образовать по примеру прошлого такие же разлагающие религиозные организации, как те, которые в свое время раскололи изнутри русскую патриаршую Церковь, но с учетом, конечно, так называемых "объективных условий". Большевики, вступив в Польшу в 1945 году, застали тут "объективные условия", создававшие им во многих отношениях значительные затруднения. Однако они неожиданно получили для своих намерений союзников с той стороны, с которой они их наименее ожидали. Началось это следующим образом:

"ВОЗРОЖДЕНИЕ СТАНА КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ"

Выше мы коснулись того положения в стране, какое создалось под немецкой оккупацией. Тогда существовал лишь один пункт политической программы: бескомпромиссная борьба с немцами, включая и коллаборацию со вступающими большевиками. Представление о том, что должно будет наступить дальше, подменялось "верой" в Англию и вынужденным оптимизмом. Этому состоянию политической инерции Александр Бохенский, бывший редактор "Бунта Млодых" и "Политики" в пору между двумя войнами, противопоставлял возрождение концепции польского консервативного стана. Он был теоретиком — и теоретиком фанатичным — политики соглашения с захватчиком. Конечно, эта его позиция возбуждала подозрение в сотрудничестве с немцами, но подозрение это было необоснованным, так как Бохенский был, правда, сторонником соглашения, но соглашения с каждым захватчиком. Как частное лицо он не имел большого влияния. Вся сила его концепции заключалась исключительно в том, что она вообще существовала, в то время как другой концепции на случай вторжения красной армии не было вовсе... Он носился с ней главным образом в Кракове во время и после варшавского восстания осенью 1944 года, в особенности же в своего рода политическом салоне графа Адама Роникера¹ на улице Потоцкого № 2. В то время в Краков стекалась со всей страны бегущая от большевиков польская аристократия и

представители прежнего консервативного мышления. По Бохенскому его "возрождение" должно было заключаться в возврате к прежним соглашенческим формам, которые перед первой мировой войной дали во всех трех частях разделенной Польши плодотворные результаты, в особенности в части, аннексированной Австрией.

НЕ ЧТО ИНОЕ КАК "РОССИЯ"

Кто-нибудь, читая этот труд, посвященный утере польского "суверенного мышления", может получить впечатление, что я сильно упрощаю изложение дела и что я односторонне отказываю сразу слишком большому количеству поляков в интеллекте и критических способностях. Но это только видимость, возникшая вследствие сжатия большого количества материала в тесные рамки. Конечно, и в консервативных кругах раздалось много голосов, критиковавших концепцию Бохенского. Прежде всего: можно ли проводить аналогию между условиями XIX века, в особенности между внутренней сущностью прежних монархий — российской, германской и австро-венгерской — и интернациональным большевизмом? Для устранения этой самой существенной оговорки Бохенский стал самым ярким сторонником теории "Россия". Коммунизм, большевизм — утверждал он — только внешний инструмент, несущественная форма. Содержание оставалось то же: Россия! И надо использовать не интернациональные, а именно ее государственные интересы и найти компромиссный *modus vivendi*. Переход на термин "Россия" стал основанием целой теории: ведь неловко было в этом обществе призывать к соглашению с международным большевизмом... Итак, этот термин, который считается теперь подходящим аргументом для антисоветской националистической пропаганды, стал в то же время единственным аргументом возможного соглашения. Не следует ничего упрощать. Сегодняшняя агентура РАХа возникла в действительности не из агентурной концепции, а из политической.

ВСТРЕЧА В ГОСТИНИЦЕ "ПОД РОЗОЙ"

Оставляя за собой право опубликования источников тогда, когда я сочту это возможным, расскажу, что было дальше: большевики всту-

¹ Граф Адам Роникер — консервативный политик. Во время войны был главителем благотворительной организации.

пили в Краков 18 января 1945 года. Значительная часть постоянных посетителей "политического салона" на улице Потоцкого предпочла, однако же, удрать на Запад. Также и сам Бохенский вместе со своим "посыльным" Домиником Городынским² и с еще некоторыми лицами укрылся на всякий случай в квартире графа N, так как его подозревали в коллаборанстве с немцами. Но тут он отважился на весьма рискованный шаг, который решил все дело. До сих пор ведь Бохенский ничего из себя не представлял и никакой политической роли не играл, кроме, может быть, того, что ему удалось склонить полдюжины титулованных лиц к признанию его концепции.

Через несколько дней после занятия Кракова в нем появился Ежи Борейша (Гольдман). Был он тогда значительным сановником, которому поручали особые дела, главным же образом контакты с "внутренней" эмиграцией, а несколько позже, как мы знаем, и с "внешней". Покойный Борейша-Гольдман отличался высоким интеллектом и подвижным умом. Партийная верхушка высоко его ценила за способность быстро схватывать концепции и отличать заслуживающую внимание от не заслуживающей его. Поэтому ему поручали особенно деликатные задания. Все, кто его знал в этот период, указывают на необыкновенные черты его характера. Коммунистический писатель, Войцех Журковский, так его характеризовал в 10-ю годовщину его смерти ("Жизнь Варшавы" от 20 января 1962 года):

"Как хороший психолог, он знал, что деятельность втягивает, что перемены образа мысли совершаются в работе скорее, чем в дискуссиях... Борейша был природным деятелем, организатором, политиком, не признававшим незыблемых разграничений; он считал, что следует идти к противнику, искать общей платформы, притянуть его хотя бы на короткое время к сотрудничеству, а в случае разрыва — сманить или увести несколько самых выдающихся людей. Как он любил эти знакомства вне линий идеологических фронтов! Он пытался сманить Станислава Цат-Мацкевича³ и Ваньковича⁴, но оба считали в то время возвращение в Польшу — в красную — изменой лондонским сторонникам независимости... Оба пришли потом к нам."

Таким образом Бохенский, идя к Борейше,

не мог более удачно поступить. Борейша оставился в гостинице "Под розой" на Флорианской улице. Произошел следующий разговор (повторяю: оставляю за собой право опубликовать когда-нибудь источники):

— Я — Бохенский, Александр.

— Ааа... Это интересно. Кажется, вас ищут,

— Это мне известно. Но я хотел бы, чтобы вы посвятили мне час времени.

— Сожалею, через 20 минут отлетает мой самолет.

— Так позвоните на аэродром и отложите отлет.

— Разве разговор будет настолько интересен?

— Могу вас уверить, что да.

Пятнадцать минут спустя Борейша действительно позвонил на аэродром и отсрочил полет. Бохенский развернул перед ним готовую программу соглашения между крайне правыми, непримиримой "контрреволюцией", католическим лагерем и новым коммунистическим режимом в рамках, в общем соответствующих тем, которые в выше описанной атмосфере ленинского НЭПа назывались "попутничеством", а согласно сегодняшней терминологии — "реальной политикой".

— Кого бы вы предложили поставить во главе такой группировки?

— Болеслава Пясецкого⁵, если он еще жив.

— Это, должно быть, шутка с вашей стороны?

— Нет, я говорю совершенно серьезно.

И Бохенский представил хорошо известные доводы о необходимости предотвратить подполье правого направления. Это первое условие успеха всей концепции. Конечно, нельзя будет вполне избежать антисоветской партизанской активности, но это сдержит наиболее вероятную силу сопротивления, которую представляет, без сомнения, националистическая молодежь, обожающая Пясецкого. Его казнь не принесет никакой пользы. Если же поставить его во главе "католической оппозиции правого направления", но только легальной, конструктивной, признающей новую власть, как "польскую" власть, то польза будет громадная.

Борейша на лету схватил значительность аргументов. На тогдашнем этапе первым требованием новой власти было, конечно, признание ее народом как власти польской, а не как власти оккупационной, не обращая внимания на чувство, которое он к этой власти питает. План Бохенского был сугубо классическим планом соглашения между национализмом и коммунизмом. В тот же вечер Борейша улетел с готовым планом в портфеле.

⁵ Болеслав Пясецкий — основатель национально-радикальной молодежной организации еще до войны. Умер в 1979 г.

² Граф Доминик Городынский — офицер подпольной Армии Краевой, а потом близкий сотрудник Пясецкого. (См. пр. 5).

³ Станислав Цат-Мацкевич — консервативный публицист, премьер польского эмиграционного правительства. По возвращении в Польшу — сотрудник издательства РАХа. Цат — его литературный псевдоним.

⁴ Мельхиор Ванькович — известный польский писатель. Получив гражданство США, стал жить в Польше.

ПЕТЛЯ ИЛИ "ЛЕГАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ"?

Тогдашнюю историю Пясецкого изображает бежавший на Запад в 1954 году чиновник службы безопасности Иосиф Святоло в своих показаниях иначе. По его версии Пясецкий, который был арестован оперативным отделом НКВД, должен был быть отдан под суд и повешен не только за антисоветскую партизанщину восточнее Буга, но также и за мнимый контакт с Гестапо. Пясецкий, спасая свою жизнь, написал Жимерскому⁶ памятную записку, которая должна была попасть в руки Ивана Серова, шефа НКВД. Серов якобы заинтересовался предложениями Пясецкого и т.д. Это — сильное упрощение, соответствующее националистической установке, но не правде. Такого рода дела решались на гораздо более высоком, на политическом, а не на полицейском уровне.

По имеющимся у меня сведениям дело, возникшее в результате разговора Борейши с Бохенским, разбиралось руководящими партийными инстанциями. Пясецкого, который действительно был арестован НКВД, заставили выбрать или петлю, или "легальную оппозицию". Он выбрал вторую возможность. Что касается Бохенского, то он, уже не скрываясь, получил пост директора пивоваренных заводов "Окоцим" (до войны он сам был владельцем пивоваренного завода в Поникве) и, как говорят, с "министерским окладом". И в этом случае не следует дела упрощать и понимать это как какую-то "плату за услуги". Бохенский действовал не как агент, а как политик. Обоюдные интересы требовали, чтобы он, будучи материально обеспечен, мог свободно действовать и сосредоточить свои усилия на вербовке новых идеологических сторонников.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ

Дело началось отнюдь не с раскола Церкви, а с политической кампании, которая была для коммунистов, конечно, тактикой "на данном этапе". В 1945—47 годах она еще вполне соответствовала более поздней тактике Гомулки в 1956—58 гг., которая давала аналогичные эффекты. РАХ сначала делал то же самое, что теперь делает ZNAK⁷: "Польша едина; общие интересы; признание фактического положения". Но самое главное — отказ от тезиса "советской оккупации" и признание "польской государственности", хотя бы и управляемой

коммунистами. Покамест те же лица писали в "Тыгоднике Повшехном"⁸ равно как и в "Дзись и Ютро"⁹.

Коммунисты более всего боялись подпольной деятельности. В Варшаве надеялись, что ее будет поддерживать и вести Второй Корпус.¹⁰ С этой целью зимой 1945/46 года в Рим едут двое: гр. Городинский и гр. Лубенский¹¹ — и посещают почти все эмигрантские центры. Это происходит снова по образцу поездок эмиссаров во время НЭПа, посылавшихся из Москвы и Киева в центры белорусско-украинских эмигрантов. Им также удалось проникать в командные пункты и устанавливать "общую платформу" в самые важные моменты развития на данном этапе. Конституционное польское правительство не считало себя — несмотря на нападение советской армии на Польшу — в состоянии войны с Советским Союзом, прикрываясь известным в то время лозунгом "спасения биологической субстанции народа". Это был период, когда людские военные потери, согласно прессе, достигали астрономических цифр. Особенно отличался распространением таких известий РАХ, как внутри, так и в эмиграции. ("Дзись и Ютро" сообщило однажды, что число павших в варшавском восстании превыше 700 тысяч!). В конце концов, выявилась хорошо известная позиция эмиграции, отвергавшая всякую мысль о подпольной борьбе в стране, и даже осуждавшая ее как "провокацию". Принят был также тезис: не "международный коммунизм", а "Россия". Таким образом эмиграция старалась затуманить сравнение с НЭПом, с попутицизмом, сменой вех или национальным коммунизмом; а с другой стороны, появление общей платформы они относили к "позитивизму", "органической работе", даже к "велепольщине"¹², "краковским станьчикам"¹³ и т.д. и т.п., что, конечно, звучало приятнее и давало моральное оправдание примерами прошлого века. Этим объясняется большой процент бывших консерваторов и титулованных лиц в рядах РАХа.

⁸ "Тыгодник Повшехны" — "Всеобщий Ежедневник".

⁹ "Дзись и Ютро" — "Сегодня и Завтра".

¹⁰ Второй Корпус — польская армия, сражавшаяся под командой ген. Андерса в составе британских вооруженных сил.

¹¹ Граф Константин Лубенский — сотрудник РАХ.

¹² "Велепольщина" — движение примиренчества по отношению к российской власти, проводившееся в половине прошлого столетия маркграфом Александром Велепольским.

¹³ Станьчик — остроумный шут короля Сигизмунда I (1506—1548). В Кракове в 1869 году появился ряд статей под общим названием "Из портфеля Станьчика", изданных группой польских консерваторов, стремившихся к примирению с австро-венгерским правительством. Отсюда прозвище "краковские станьчики".

⁶ Михаил Роля-Жимерский — бывший офицер легионов Пилсудского, удаленный из армии за казнокрадство. Командир коммунистической Народной Армии, после производства в маршалы — главнокомандующий польской армии и министр обороны в 1945—49 гг.

⁷ ZNAK, как и РАХ, — католическая организация.

АГЕНТУРА

Первый "политический этап" прошел для коммунистов удачно. Они решили, что настало время для следующего: уничтожения Церкви с применением тех же классических приемов, при помощи которых они в 1927 году принудили митрополита Сергия в Москве сдать. Конечно, задача коммунистов была в Польше труднее, потому что католическая Церковь опирается на центр, находящийся вне пределов досягаемости для советской власти; православная же Церковь этого преимущества не имела, так как экуменический патриарх в Константинополе не есть то, что Папа в Риме, он только "Primus inter pares".

Только с момента окончания "политической линии" и перехода на линию непосредственного коммунистического давления началась теперешняя роль Пясецкого. Закулисных политических деятелей устранили за ненадобностью. Концепция "консервативной мысли" превратилась в агентурную практику. Между идейным содержанием коммунистического интернационала и идей трех монархий XIX века, разделивших когда-то Польшу, нельзя провести аналогии. Каждый компромисс должен рано или поздно окончиться агентурой попросту потому, что международный коммунизм вовсе не заинтересован в действительном двустороннем компромиссе. Что такое компромисс, ему неизвестно, если бы это было ему известно, он не был бы коммунизмом... Он знает только т а к т и к у компромисса.

По мнению Иосифа Святлы, Пясецкий должен был быть подчинен 5-му отделу службы безопасности, а именно женщине-полковнику Луна-Быстригер. Это опять сильное упрощение. Эти упрощения отвлекают внимание от сути дела. Пясецкий стал во главе большой диверсионной кампании, настолько же политической, психологической, как и религиозной. Инструкции черпались из доктрины Ленина; практически же действовали в плане партии, а не правительства. Решения принимались на высшем партийном уровне, а не на уровне службы безопасности в Варшаве или МВД в Москве. Изображать Пясецкого в роли агента, получающего от полковника Луны деньги вместе с инструкцией, значит умалять врага и представлять правду в более оптимистическом свете. Это преднамеренный анахронизм, сводящий агентуру "всемирной социалистической системы" на уровень какой-то царской "охранки", в чем особенно усердствуют всякие польские версии. Никакая "охранка" в мире не смогла бы набрать столько католических прелатов, сколько именно... безбожная коммунистическая агентура. В этом и заключается громадная, органическая разница, а вместе с тем и трагический парадокс...

Пясецкий получил обширные концессии: уже в 1947 году возникло Товарищество Заграничной Торговли INCO, возникли PAX и Veritas¹⁴, вначале с основным капиталом в три миллиона злотых. Акция проводилась в двух направлениях: за границей, главным образом во Франции, для привлечения к себе "прогрессивных" католических кругов, а у себя на родине — для развала единства церкви в Польше.

Что касается заграницы, то коммунистические планы расшатать римскую Церковь были очень смелы. Они проводились параллельно с действиями агентуры московской патриархии в орбите восточной Церкви. С того времени начались многократные поездки во Францию и другие страны испробованной пары Гродынского и Лубенского, а также и других. Превосходный знаток международного коммунизма, доминиканец проф. И. О. Бохенский, считал якобы католического писателя Яна Добрачинского, книги которого были очень популярны на Западе и среди эмиграции, самой опасной фигурой в этом ансамбле.

Внутри, в Польше, великая агентура разрослась в могущественные организации и, по большевистскому образцу, приобрела форму, похожую на "Живую Церковь" 30-х годов. Она образовала различные "комиссии священников", "священников патриотов" (теперь "священники Caritas¹⁵"), Zbowid¹⁶ и т.д. В 1950 году овладела Caritas. В этом деле провокаторскую роль сыграл известный, и теперь расхваливаемый в органах печати писатель Павел Ясеница. Была образована могущественная "католическая" пресса. Насколько она была "католической" пусть разьяснят два примера:

Прелат Ясельский из "комиссии священников" выступил с проектом нового "подсчета совести", в котором был такой пункт: "сколько раз я молчал о тяжком грехе других, хотя я должен был донести о нем непосредственному начальству или властям?" ("Кузьница Кап-ланьска" № 4, 1955).

Прелат Котарский выступил на втором съезде "комиссии священников" 23 ноября 1954 года при известии о смерти советского министра Андрея Вышинского, прокурора крупных сталинских процессов, т. е. совиновника смерти миллионов людей, со следующими словами:

"Сегодня утром пришла траурная весть о кончине министра Вышинского. Почтим же его память... Имя его — это символ борьбы за мир. Он был большим другом Польши. Все человечество будет помнить его благородный образ и веками славить имя неутомимого защитника

¹⁴ Veritas — книгоиздательство PAX.

¹⁵ Caritas — католическая благотворительная организация.

¹⁶ ZBOWID — Союз Бойцов за Свободу и Демократию.

мира. Да будет почтена память о нем!” (“Кузьница Капланьска”, № 20, 1954).

Вот как выглядело это “католическое прогрессивное движение”, которое после многих реорганизаций, изменений, съездов и заключительной унификации попадает, наконец, в непосредственное управление Болеслава Пясецкого. Одновременно растут концессии и фонды, находящиеся в его распоряжении. Вскоре его будут называть “самым богатым человеком между Владивостоком и Берлином”. Во всем советском блоке нет более крупного обладателя концессий, чем Пясецкий.

ГЛАВА ПРОВОКАЦИИ

Прошли времена, когда провокатор цар-

Д. ШТУРМАН

ОДНОСТОРОННЯЯ БИТВА*

Незадолго до смерти Владимир Высоцкий спел горькую песню о Правде и Лжи, где в качестве вывода прозвучал трагический предрас- судок:

“Чистая Правда когда-нибудь восторжествует, если проделает то же, что явная Ложь”.

Кому охота пачкать себя тем, чем не брезгует только грязная Ложь?

В действительности же то, что должна совершить Правда во спасение человечества от тенет Лжи, противоположно по смыслу и этикету, что делает Ложь. Ложь пропагандирует ложь, а правда может пропагандировать правду, при этом проверенную на опыте. Не изменяя этому своему преимуществу, Правда никогда на одну доску с Ложью не станет.

Правда согласуется с экспериментами и может выдержать фундаментальную проверку и критику. В той области, о которой мы говорим, она не берет на себя обязательств, противоречащих законам Природы (в том числе — человеческой природы). Она не обещает ни гармонического, ни всемогущего, ни идеально-справедливого общества. Она отстаивает возможность нормального существования — возможность удовлетворительной амортизации социальных эксцессов и кризисов, возможность улучшения человеческой жизни, возможность такой борьбы человека за свои интересы, которая не грозила бы гибелью ни другим людям, ни ему самому.

Ложь может завоевать мир, но не осчастливить. Завоевав мир, она убьет его.

Мимоходом замечу, что Ложь не бывает

ской полиции Азеф считался “королем провокаторов”. Это были времена индивидуальных агентов и индивидуальных полицейских заданий. Пришло время массовых агентур и массовых заданий, уже не полицейских, а партийных. Во главе одного из таких провокационных коллективов и стал именно Пясецкий. В 1957 году все организации, товарищества, предприятия, издательства РАХа достигли рекордной суммы около полумиллиарда злотых годового оборота.

Гомулка убрал только заграничную агентуру РАХа, вконец скомпрометированную в католических кругах западной Европы, вследствие разоблачения ее деятельности Ватиканом, и заменил ее новым комплектом лиц, а именно лицами из группы ZNAKa.

“явной”: у явной Лжи слишком короткие ноги для того, чтобы она могла выполнить свои задачи. Сделать правдоподобную Ложь явной — для тех, кому адресована Ложь, — в этом и состоит задача поборников Правды. Разоблаченная Ложь — это уже не Ложь, а сорванное с нее тряпье и Правда о Лжи. Сказано ведь в той же песне Высоцкого: “Чистая Ложь — это чистая Правда, ребята, если, конечно, и ту и другую раздеть...”

У Правды есть множество доводов против Лжи, но Правда упрямо не хочет или не имеет возможности “работать на публику”, хотя, обретя необходимую технологию и ресурсы, могла бы овладеть аудиторией Лжи, не изменяя при этом себе самой. Материала для этого вполне достаточно.

Над доской сидят два партнера. Первый играет в шашки, а второй — в поддавки. Надо ли первому быть гениальным шашкистом, чтобы выиграть партию? Ведь второй до конца так и будет считать, что это он выигрывает! Пока судья не объявит, во что играли. Достаточно было бы первому в о в р е м я понять, какая идет игра, чтобы возросли его шансы на выигрыш. Но он не хочет или не может заставить себя отказаться от необременительной игры в поддавки. В этом, а не в беспроигрышности приемов того, который играет в шашки, заключена основная из грозящих миру опасностей. Играющий в поддавки может опомниться слишком поздно для выигрыша (и даже для ничьей; впрочем, здесь ничья — это всего лишь приостановка игры).

Для доказательства того, что один из партнеров играет в шашки, а другой — в поддавки, достаточно привести один пример.

* Сокращенный вариант.

Как известно, нет ни одной школы в коммунистическом мире, где не читалось бы партийное агрессивное-фальсификаторское "обществоведение". Одновременно в свободном мире нет школ, где читалось бы *ц е л е н а п р а в л е н н о е* (как говорил один из персонажей незабвенного Евгения Шварца, "я не боюсь этого слова"), доступное и научно честное обществоведение, знакомящее подростков с работой и выводами мировой мысли, защищающей демократию от социализма-коммунизма. Я подчеркиваю, что речь идет о *целенаправленном* курсе, способном дать школьникам и студентам представление об истинном соотношении политических сил мира.

В учебных заведениях многих демократических стран, в том числе и в Израиле, запрещена политическая пропаганда и агитация. Вместе с тем прокоммунистические, террористические и т.п. тенденции легко и безнаказанно вторгаются в школы и вузы под традиционной для них "неполитической" маской защиты человеколюбия, равенства и справедливости.

Самое страшное, что Правда (Правота) старается выполнить соглашение о недопущении в школы и вузы всего того, что может рассматриваться как политизация воспитания, а Ложь использует это соглашение, как всегда и везде, в своих интересах, заполняя оставленный Правдой мировоззренческий вакуум.

Вопрос о воспитании из школьников и студентов демократов, *с п о с о б н ы х к с а м о з а щ и т е*, очень тонок. Но может быть, он утратит свою чрезмерную утонченность, если мы вспомним еще одно обстоятельство: свободу коммунистической и любой другой экстремистской пропаганды в демократическом мире и абсолютную невозможность пропаганды демократии в мире коммунистическом. Это ли не игра в поддавки (разумеется, со стороны демократии)?

Задача трансляции не пережитого адресатом опыта сродни задаче учителя, стоящего перед аудиторией, как бы и знакомой с произносимыми им словами, но не имеющей в сознании материала для построения нужных учителю выводов. Учитель поневоле переходит на код аудитории и отыскивает убедительные ассоциации, постепенно сближающие реакцию класса с замыслом педагога.

Еще в комнатных дискуссиях в СССР мне приходилось, как и сегодня, выслушивать возражения: на плюралистическом Западе *н е т* единого миропонимания, такое существует только в тоталитарном обществе, да и то — лишь в официальной плоскости.

Полагаю, что это не так. Даже в столь узком олигархическом образовании, каковым является нынешнее высшее руководство СССР, угадывается некоторый разброс мнений. Но кривая их распределения обеспечивает парто-

кратии необходимое единство действий. В условиях демократии (с ее легализованным разнообразием конкурирующих воззрений) кривые распределения разных взглядов накладываются одна на другую, образуя массивные, плотные зоны, обладающие стратегическим весом, и рассеянную периферию, на общую ситуацию влияющую пренебрежимо мало.

Управляющая Ложь партократии построена так, что овладевает именно этими массивными зонами, блистательно эксплуатируя их органические комплексы и предрассудки. Так, губительным для демократии может оказаться усиленно эксплуатируемый управляющей Ложью комплекс колониальной и социальной вины, владеющей эмансипированным сознанием Запада уже второе столетие. Этот комплекс не нов: русская дворянская интеллигенция испытывала его по отношению к своим крестьянам; российская дооктябрьская интеллигенция — по отношению ко всем тем, кто занимается тяжким физическим трудом, а не легким умственным.

Эти комплексы исторически объяснимы и благородны. Но беда в том, что ни колониальные народы, ни люди физического труда *н е в ы и г р ы в а ю т* от передачи их судеб в руки прожектеров и экстремистов, никакими комплексами виновности не страдающих. Не выигрывают даже в тех случаях, когда их судьбами начинают бесцеремонно распоряжаться братья по расе или недавние собратья по классу.

Я не буду углубляться в этот специальный вопрос, ибо касаюсь его лишь ради упоминания о дополнительном козыре Лжи в странах, куда партократия целенаправленно пробивается. Ложь использует комплексы виновности западной демократии весьма эффективно, делая на них серьезные ставки и как правило не проигывая.

Западная свобода естественно обеспечивает приоритет индивидуализма над милитарностью, лежащей в основе партократических обществ. Но свободный мир существует в структурно-информационной связи с миром тоталитарным. Поэтому самоубийственным было бы для обеих сторон — не учитывать свойство противника. Партократия изучает и эксплуатирует свойства и убеждения демократии. Демократия от изучения свойств партократии отмахивается, оберегая иллюзию своей безопасности и прочности. Граждане демократических стран продолжают лелеять свой индивидуализм, часы которого сочтены, если индивидуалисты не объединятся для самозащиты.

Но не желающий слышать не слышит предупреждающих голосов.

Напомню один давно опубликованный документ.

Художник Ю. Анненков, свидетельство ко-

того не вызывает у меня сомнений, пишет в своих мемуарах*, что в 1924-м году, в обстоятельствах, о которых он подробно рассказывает, ему удалось переписать в свою записную книжку несколько вопиющих отрывков из ленинских черновиков. Вскоре Ю. Анненков эмигрировал. Ни одно западное периодическое издание не согласилось опубликовать эти тексты. Они увидели свет лишь в книге Анненкова и не получили отклика ни в западной печати, ни в советской прессе, не посмевшей говорить о фальсификации**.

Вот часть ленинского чернового текста, которую переписал в свою записную книжку Ю. Анненков: "В результате моих непосредственных наблюдений в годы моей эмиграции я должен признаться, что так называемые культурные слои Западной Европы и Америки не способны разобраться в современном положении вещей, ни в реальном соотношении сил; эти слои следует считать за глухонемых и действовать по отношению к ним, исходя из этого положения.

... На основании тех же наблюдений и принимая во внимание длительность нарастания мировой социалистической революции, необходимо прибегнуть к специальным маневрам, способным ускорить нашу победу над капиталистическими странами.

а) Провозгласить для успокоения *глухонемых* отделение (фиктивное!) нашего правительства и правительственных учреждений (Совет Народных Комиссаров и пр.) от Партии и Политбюро и, в особенности, от Коминтерна, объявив эти последние органы как независимые политические группировки, терпимые на территории Советских Социалистических Республик. *Глухонемые поверят.*

б) Выразить пожелание немедленного восстановления дипломатических отношений с капиталистическими странами на основе полного *невмешательства* в их внутренние дела. *Глухонемые снова поверят.* Они будут даже в восторге и широко распахнут свои двери, через которые эмиссары Коминтерна и органы партийного осведомления спешно просочатся в эти страны под видом наших дипломатических, культурных и торговых представителей".

"Говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь, напротив, часто оправдывается целью"...

"Капиталисты всего мира и их правительства, в погоне за завоеванием советского рынка *закроют глаза* на указанную выше действитель-

ность и превратятся таким образом в *глухонемых слепцов*. Они откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах и, снабжая нас недостающими у нас материалами и техникой, восстановят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных атак против *наших поставщиков*. Иначе говоря, они будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства""*.

И стиль и смысл этих отрывков чрезвычайно близок к смыслу и стилю многих ленинских высказываний на эту тему. Тактики же, намеченной в этих отрывках, коммунисты придерживаются неукоснительно по сей день.

Надо бы сосредоточить и мощные умственные силы, и максимально возможные средства на обобщении политического опыта XX века и на доведении этого опыта буквально до каждого человека — на языке и на уровне понимания разнообразнейших адресатов.

Именно это и оказывается сложнее сложного и труднее трудного. Вопреки непрерывным утверждениям управляющей Лжи о том, что "мировая буржуазия" тратит чудовищные финансовые резервы на пропаганду антикоммунизма, планетарный Савва Морозов под гипнозом и обаянием планетарного Максима Горького тратит деньги только на помощь своим потенциальным убийцам.

Пожалуй, одна из самых страшных ошибок современной духовной элиты, по существу своему враждебной партократической лжи, состоит в том, что эта элита не верит в сознательность и целенаправленность действий тоталитарного чудовища.

Я четко и упрощенно постулирую факт, для меня бесспорный: партократия по ряду причин, в данной статье не рассматриваемых, стремится к мировой гегемонии. Дезинформация — одно из главных ее орудий в этом процессе. Она это не только осознает — она имеет специальные исследовательские учреждения и реализующие аппараты для внедрения выгодных ей версий происходящего в сознание своих адресатов.

К превеликому сожалению, у партократии имеются щупальца и в Самиздате, и в Тамиздате, и в оппозиции, и в эмиграции.

Инспирируемых властью версий, циркулирующих в неподцензурной гласности, я здесь не касаюсь, хотя они есть и существенны по своему удельному весу. Есть в Самиздате и хаотическая взаимоцензура. Нелегальная рукопись, представляющая некие оппозиционные к советской власти воззрения блокируется иногда сторонниками других, и тоже оппозиционных, взглядов, если случайно попадает в руки своих оппонентов по Самиздату и со-

* Ю. Анненков. Дневник моих встреч, цикл "Трагедии", т. II, стр. 279–280, 1966.

** Дословной публикации этих отрывков нет ни в одном издании сочинений Ленина, но высказываний, очень близких по стилю и смыслу, достаточно много.

* Курсив Ленина.

чтена ими вредной. И наметившаяся партийность, и борьба за свою идеологическую монополию суть атрибуты не только свободной российской, а всякой *свободной* гласности. В пределах плюралистической гласности циркулирует множество направлений и мнений, вплоть до весьма малопочтенных, вроде культа аморализма, расизма, "ангажированности" тоталитарными силами или свободной склонности к тайной цензуре. Свобода есть раскрепощение взглядов, а не господство некоего правильного представления. В идеале свобода предполагает легализацию правовой демократической борьбы за с в о и взгляды. Несчастье же заключается в том, что и в свободных обстоятельствах сторонники наиболее продуктивных взглядов не хотят, не умеют или не имеют возможности за себя бороться.

Важно еще одно обстоятельство: управляющая Ложь направлена узкими когерентными лучами на заданные ее генератором объекты и к тому же способна настраиваться на собственные резонансные частоты этих объектов, что в огромной степени способствует ее усвоению. Правда же генерируется множеством несогласованных между собой и не сконцентрированных в нужных направлениях свободных источников. Она освещает лишь то, что случайно оказывается в поле ее излучения. Лазерный луч на частоте спектральной линии и рассеянный белый свет обыкновенной лампы — так соотносятся между собой Ложь и Правда по способу их воздействия на окружающих.

Рассеянный свет не может одолеть силу такой концентрации, такой целенаправленности и такой созвучности соблазнам, одолевающим человечество, как управляющая Ложь XX века.

Ибо Ложь, о которой идет здесь речь, овладела и продолжает овладевать нами не в силу общечеловеческой или чей-то национальной приверженности ко Лжи, а потому что была принята нами за Правду. *Она и сама себя долго считала Правдой*. А потом научилась делать ставку на наши иллюзии.

Социалистическая (коммунистическая) идея так могущественна и живуча потому, что в ней далеко не все и далеко не всегда стимулировалось и порождалось чьей-то злой волей. Тягой к утопиям мы обязаны и нетерпению спасти страждущих, и филантропическому максимализму, который не удовлетворяется наименьшим из зол, а жаждет "абсолютного" (на Земле!) блага.

Сейчас мы настроены так, что видим лишь реальное Зло ряда бесчеловечных опытов, но не помним (или стремимся не вспоминать) возвышенных побуждений, взлетов самоотверженности, надежд, бескорыстия иллюзий и судеб, вовлеченных нашей общей историей в рождение Зла. Возникла машина, не имею-

щая ожидавшихся замечательных свойств, но обладающая неожиданными (*хотя и предсказанными рядом мыслителей*) ужасными свойствами. Одно из худших качеств машины — ее способность и *необходимость*, если она хочет себя сохранить, ставить на службу своему управляющему устройству все отрицательные свойства человека. А нередко — и положительные. Но из-за того, что Ложь, которая имеется здесь в виду, родилась из мощного универсального заблуждения, а не из сознательно-преступного замысла, она становится не лучше, а хуже, опасней — вот в чем несчастье. Куда легче разоблачать отталкивающие всякого нравственного и здравомыслящего человека мифы расизма и личного или национального сверхчеловечества, чем гуманистическую *по своему происхождению* фразеологию социализма-коммунизма. Произошел не для всех очевидный сдвиг: то, что было когда-то в глазах многих людей внутренней принадлежностью *учения* (вера, бескорыстие, благие намерения), стало маской, приросшей к зловещему лику п р а к т и к и, предопределенной этим учением. Именно этим учением, а не досадными искажающими его помехами. Но в маске, в пропагандистском плаще, драпирующем страшную суть оборотня, сохранилась притягательность исходной утопии. В сочетании с централизованностью усилий, с неограниченностью материальных ресурсов, с отсутствием моральных запретов и этических ограничений эта притягательность обеспечивает носителю маски огромные планетарные преимущества перед теми, кто видит скрытую под маской суть.

Но, когда сострадание, любовь к свободе и мысль (в неведении того) тащат мир в тупики тотала, им не занимать энергии, решительности, инициативы. А потом возникают могучие державные силы, обороняющие и расширяющие выросший из благих намерений ад. И тогда мысль загоняют в клетку, часто безвыходную.

Сегодня же, когда сострадание, любовь к свободе и разум отвратились от опороченных миражей, им опостытели также и действие, и решительность, и напряжение, и готовность взять на себя ответственность. Они хотят созерцательности, невинности, беспристрастного диалога с равными.

Современные московские, ленинградские и др. интеллектуальные салоны, в том числе и перенесенные за границы СССР, бравируют и рисуются своей надидейностью, бестенденциозностью, аполитичностью. Эта поза — феномен исторически тривиальный: роковым образом попавши в ловушку ложной идеи, люди ополчаются не на ложность идеи, а на идейность как таковую. Сделав ряд неверных шагов, разочарованные поколения обижаются на свою спо-

способность шагать и застывают в бездействии, то есть в покорности обстоятельствам.

А между тем надо действовать куда напряженней, чем в пору своей приверженности к иллюзиям-оборотням. Движение из тупика — это движение против течения, а не по течению: и против еще владеющих человечеством утопий, и против целенаправленной деятельности партократий, и против общей тенденции материи переходить самопроизвольно лишь из менее вероятных состояний в более вероятные, двигаясь по линии наименьшего сопротивления, выбирать наиболее утешительные, духовно-комфортные из версий, предлагаемых разумом или пропагандой.

Только дух и воля противостоят этой тенденции.

Разочарованные тем, что принесла революционная пропаганда последнего столетия, потрясенные тем, что дали миру революционные организации, успешней и больше других занимавшиеся такой пропагандой, нынешние новейшие оппозиционеры к тоталитаризму возненавидели пропаганду и организацию.

Это сугубо реактивное неприятие обязательных условий политической деятельности (впрочем, и политическая деятельность, и конспирация отброшены реактивным мировосприятием по той же причине, что и пропаганда, и организация) лишает сопротивление тоталитаризму скелета и мышц. Бронированной машине противопоставляется нечто желеобразное. Есть потрясающие документы, есть неотразимые, казалось бы, книги; есть уничтожительные памфлеты и блистательные аллегории; есть безупречные доказательства своей правоты. Но все это лишено динамики, лишено объединяющих центров — лишено механизмов, которые заставили бы идеи и образы стимулировать определенное поведение общества. В торговой рекламе такие механизмы работают — в самозащитной работе свободной мысли их нет и в помине.

К слову — об аллегориях.

В построении точных и эмоционально-впечатляющих моделей тоталитарных обществ, выросших из великих утопий, много сделали авторы весьма популярного ныне жанра, который принято называть антиутопиями*.

Но у разноязычных антиутопий, трактующих этот вопрос, есть при многих достоинствах общий существенный недостаток, присущий всем аллегориям, любой символической. Иносказание воспринимается соответственно замыслу автора лишь сознанием, близким к миропониманию автора. Это относится не только к иносказанию, но и к так называемому подтексту произведения. Последний воспринимается

* И.Замятин, Дж.Орвелл, О.Хаксли, А. и Б. Стругацкие, Ст. Лем. Р. Бредбери, А. Азимов и др.

правильно, т.е. по-авторски, только в том случае, если воспринимающее сознание уже несет в себе (в достаточно организованной форме) материал, который необходимо соотнести с текстом, чтобы возник подтекст. Советские госиздатские писатели вынуждены, как правило, легализовать свои иносказания и подтекстовки, перенося антиутопии, рисующие советский мир, на другие планеты, в тридесатую солнечную систему, оставляя на заднем плане счастливый земной коммунистический мир. Они привязывают эти "алиби", как бантики, в двух-трех горячих точках текста, полагая, что искусственность ссылок на счастливую Землю (или на достигший полного коммунизма СССР, если события разворачиваются на Земле) и дураку будет понятна. Такими же "бантиками" страхуют они и оппозиционный подтекст, надеясь что их маневр будет понят правильно. На деле же массовым, подверженным внушаемой Лжи сознанием эти неизбежные взятки цензуре простоудушно воспринимаются как мнение автора. И чем автор талантливей, чем он симпатичней читателю, тем меньше сомнения вызывают его маскировочные оговорки, лишаящие иносказание просветительской ценности. Переводы же на иностранные языки, равно как и антиутопии Запада и Японии (других восточных не знаю), адресованы людям, имеющим авторитарный или нацистский опыт, но не имеющим коммунистического. Поэтому они, как и подтекст переводных госиздатских оппозиционных произведений, чрезвычайно редко сопоставляются читателем с наиболее угрожающими социальными сдвигами новейшего времени: их относят к нацизму, к фашизму, связывают с потенциями и эксцессами демократии, но не с коммунизмом. Нельзя успешно противопоставить Лжи только иносказание и подтекст: это не остановит инфильтрации Лжи в сознание человечества. Чтобы остановить эту инфильтрацию, Правде следует выражать себя более определенно и однозначно, действовать более организованно, более направленно, более упорно, более дифференцированно, чем действует Ложь.

Я подчеркиваю слово "более" потому, что человеческий разум охотнее воспринимает рассчитанную на него Ложь, чем Правду, неспособную выдавать желаемое за сущее. Правда не может обходить неприятные для адресата стороны и потенции жизни. Поэтому сладкогласную Ложь впивают, а от нелюбимой Правды бегут.

Правда и энергетически дороже Лжи: и на ее отыскание, на ее извлечение из событий, и на ее усвоение надо затратить куда больше сил, чем на сочинение и на восприятие специально для данного круга слушателей придуманной Лжи. Между тем Правда считает себя самоочевидной и чаще всего полагает лишним,

если не унижительным, себя доказывать. А без доходчивых доказательств и без специальных приемов саморекламы и инфильтрации в чужое сознание Правду воспринимают и будут воспринимать только единомышленники, как это и происходит сегодня.

Мысли присуще качество, о котором уже неоднократно писалось: наделив какую-то идею свойствами абсолюта или панацеи, а затем убедившись в уязвимости или порочности этой идеи (точнее — в порочности крайностей этой идеи, ее Абсолютов), мысль бросается в противоположную крайность. Так поступаем и мы сегодня. Разум оказался не всемогущим? Либерализм не научился противостоять экстремизму? Коммунистический интернационализм — враг национальной свободы? Организацией, пропагандой и конспирацией воспользовались тоталитарные силы?

- Долой упования на разум!
- Анафема либерализму!
- Не к чему добиваться взаимопонимания между народами!
- Долой пропаганду, организацию и конспирацию!

Вернемся к чистому мистицизму*, возложим

* Владимир Соловьев делал различие между мистикой в положительном религиозном смысле и мистицизмом в отрицательном смысле — каждый "изм" уничтожает положительные явления того же названия. Так например, социализм уничтожает социальность. Прим. ред.

наши надежды на экстремизм и воздвигнем между собою стены воинствующего национализма! Иными словами, вернемся в тупик *абсолютизаций — антонимов*, в котором мы, казалось бы, уже побывали (не раз).

Но из тупиков, куда заводят людей сострадание, любовь к свободе и разум, только они и могут их вывести. Правда всегда оказывается либо где-нибудь между крайностями, либо на совершенно иной траектории, чем та, по которой мечется маятник реактивной мысли.

Сегодня бешеный натиск управляющей Лжи на мировое сознание и в малой доле не уравновешивается просветительской и контрпропагандистской работой Правды.

Если учесть еще и фактор времени, задача противоборства между Правдой и управляющей Ложью не порождает особого оптимизма. Но и не становится безнадежной.

Неизвестно, успеем ли мы найти выход из лабиринта, в центре которого поджидает нас Минотавр партократии, но ничего невозможного в отыскании этого выхода нет. И, когда вспоминаешь о существовании этого выхода, о его неисключенности (во всяком случае, о неполной его исключенности) в душе начинает тихо играть "надежды маленький оркестрик под управлением Любви" (Б. Окуджава).

В. КОБЫЛИН

СТОЛЫПИН

(К семидесятилетию со дня смерти)

Семьдесят лет тому назад 1-го сентября 1911 г. (ст. ст.), на председателя совета министров Российской Империи Петра Аркадиевича Столыпина было совершено покушение, и он был смертельно ранен. 5-го сентября Столыпин скончался.

Среди государственных деятелей Российской Империи в 20-ом веке бесспорно выделяется П. А. Столыпин, который, будучи председателем совета министров и министром внутренних дел, показал себя чрезвычайно энергичным и одаренным государственным деятелем. П. А. Столыпин родился в 1862 г. Род Столыпиных восходит к началу XVI века. Отец П. А. Столыпина был генерал от артиллерии и в 1878 году стал генерал-губернатором Восточной Румелии. П. А. Столыпин окончил в 1885 году физико-математический факультет Петербургского университета. Прослужив короткое время в министерстве внутренних дел, а затем

в министерстве земледелия и государственно-го имущества, Столыпин был избран Ковенским уездным, а затем и губернским предводителем дворянства. В 1902 г. он был назначен Гродненским губернатором, а в 1903 г. Саратовским. В апреле 1906 года состоялось его назначение министром внутренних дел, а в июле того же года председателем Совета министров с оставлением в должности министра внутренних дел. На этом посту он и оставался до своей смерти.

Уже с самого начала своей деятельности, когда Столыпин был уездным предводителем дворянства и одновременно председателем съезда мировых посредников (судей), он пропагандировал среди крестьян идею развертывания общины и укрепления земли за крестьянами в качестве личной собственности, стремясь к созданию самостоятельных хуторских хозяйств. Эта идея находила чрезвычайно бла-

гожелательный отклик среди крестьян.

Когда Столыпин был Саратовским губернатором, он заметил, что причиной аграрных беспорядков среди крестьян является стремление последних получить землю в собственность. Из этого Столыпин логично сделал вывод, что в будущем, если крестьяне станут собственниками земли, они, конечно, явятся надежной опорой государства. Столыпину удалось довести до сведения Государя о желательности закрепить за крестьянами земли, принадлежащие государству. Наряду с этим высказывалось пожелание создать при помощи земств необходимые условия для улучшения крестьянского землепользования. Благодаря своим энергичным мерам на всех поприщах своей деятельности, Столыпин стал известным и в столичных кругах, и Государь его заметил.

Время, когда Столыпин стал выдвигаться, было исключительно трудным, а порой становилось грозным. Только что закончилась неудачная Японская война, которая вызвала события, известные под именем "революции 1905 года". В России начались беспорядки в столицах и аграрные беспорядки почти по всей стране, мятежи во флоте и в различных воинских частях. Военные неудачи вызвали кампанию против власти под флагом критики ведения войны. Враги власти, пользуясь общим настроением недовольства, преувеличивали недочеты, извращали факты. Внутренние волнения в России были необходимы Японии как воздух. Английский журналист Дилон написал в своей книге "Закат России" следующее: "Японцы раздавали деньги русским революционерам известных оттенков, и на это были затрачены значительные суммы. Я должен сказать, что это бесспорный факт". О том же свидетельствует в своих мемуарах бывший русский посол в Токио барон Р. Розен.

"Кровавое" 9-ое января, о котором так много пишут, было спровоцировано Гапоном. Под влиянием вожаков-социалистов, он повел тысячи толпы забастовавших рабочих ко дворцу с заведомо невыполнимыми требованиями. В результате были убиты и ранены. Это было как бы началом революции. Волнения возрастали. Дворянские собрания и земцы вели себя вызывающе, забыв, что страна ведет тяжелую войну с внешним врагом. Все военные неудачи на море и суше, как взятие Порт-Артура, Цусимскую катастрофу, поражение при Мукдене, русское общество принимало с почти нескрываемым злорадством. Для верховной власти на первом плане стояло ведение войны, для общества же — борьба против власти во имя коренных преобразований всего строя. Политическое возбуждение охватило самые разнообразные круги. Это было всеобщее помрачение. Был образован Союз Союзов, в кото-

рой входил целый ряд свободных профессий. В земстве одержало победу левое крыло, которое тоже требовало конституции. Начавшиеся беспорядки продолжались и перекинулись во флот (броненосец "Потемкин"). Произошел целый ряд политических убийств.

При помощи американского президента Т. Рузвельта началась подготовка к мирным переговорам. На мирной конференции в Портсмуте все требования японцев о контрибуции и уступках территории были отклонены Государем, несмотря на то, что представитель России Витте на них настаивал. В конце концов, Государь согласился отдать южную часть Сахалина, с обязательством не возводить на острове укреплений, и отказался окончательно от выплаты какой-либо контрибуции. И Рузвельт, и Витте были уверены, что Япония не пойдет на эти условия. Япония согласилась на все предложения Государя.

Но, несмотря на окончание войны, после короткого перерыва начались опять волнения. На этот раз впервые была использована всеобщая забастовка. Сперва забастовали железнодорожники, а затем была объявлена всеобщая забастовка, так что Москва была отрезана от внешнего мира. Железнодорожники явились к Витте (председатель комитета министров) и предъявил ему требования бастующих, которые сводились к требованию учредительного собрания, отмене военного положения и к свободе стачек, союзов и собраний.

Растерявшийся Витте подал программную записку Государю. В это время бастующие начали устраивать уличные демонстрации. Происходили вооруженные столкновения толпы с войсками. В Петербурге появился совет рабочих депутатов.

Государь поручил составить манифест, который вошел в историю под именем "Манифеста 17-го октября". В этом манифесте есть такие места: "Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты". Затем дальше: "На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непростительной Нашей воли: даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. Привлечь к участию в Думе те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав. Установить, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы. Призываем всех верных сынов России вспомнить долг перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле."

Но Государь не слагал, как это многие ду-

мали, с себя ответственности: он сохранял за собой право последнего решения.

Манифест вызвал двоякую реакцию: у революционных партий — решение продолжать борьбу с еще большим ожесточением, у широких масс — чувство радости, что пришел конец забастовкам и смуте. По всей России прокатились беспорядки, спровоцированные левыми кругами, а навстречу им антиреволюционные демонстрации как стихийное народное движение. Кроме военных бунтов в Севастополе и Кронштадте, начались "аграрные" беспорядки. Террористы убивали всех энергичных представителей власти для "торжества революции". А на Дальнем Востоке эвакуация воинских частей проходила в атмосфере полного отсутствия дисциплины. И только несколько чрезвычайно энергичных военачальников, как адмирал Дубасов, генералы Меллер-Закомельский и Ренненкампф, смогли восстановить порядок.

В правительственных кругах происходило обсуждение проекта основных законов. Спорным вопросом была 4-ая статья: "Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть". Раньше в тексте было "Самодержавная и неограниченная". Но каждое слово имеет свой смысл, и тот факт, что в новом тексте слово "самодержавная" осталось, говорит за то, что Государь остался Самодержцем.

Ни I-ая Дума, ни II-ая не были работоспособными из-за неудачного закона о выборах и из-за поведения думских фракций левых партий. К ним примкнули и "кадеты" (конституционные демократы), или "партия народной свободы". Началось опять "шатание умов"; террор не прекращался, и ему открыто покровительствовала Дума. Эта же Дума приняла проект об отмене смертной казни, поощряя всячески политические убийства. Ввиду всего этого Государь назначил на пост министра внутренних дел Саратовского губернатора П.А.Столыпина. Столыпин уже был известен как умный, энергичный и способный администратор. Новый министр внутренних дел написал в "Новом Времени" (1-го июля 1906 г.): "Главная позиция, захваченная революцией, — это Государственная Дума. С ее неприкосновенных стен, как с высокой крепости, раздаются воистину бесстыжие призывы к разгрому собственности, к разгрому государства, и день ото дня наглее, день ото дня разнуданнее, чаще и чаще поднимаются голоса, угрожающие самой Верховной власти"... А известный историк С. Платонов писал в том же "Новом Времени" (24-го июня), что: "Нужен роспуск Думы на законном основании, эта мера была бы спасительной". Затем дума приняла обращение к населению, заявив, что "от принудительного отчуждения частновладельческих земель Дума

не отступит". Таким образом дума хотела не работать, а продолжать революцию в другой форме. После роспуска думы, Государь, верный своему слову, решил, борясь беспощадно с насильственными проявлениями революции, проводить необходимые реформы. Для этой задачи он призвал к возглавлению правительства Петра Аркадьевича Столыпина, который был уже три месяца министром внутренних дел в правительстве Горемыкина.

П. А. Столыпин был как раз тем человеком, который мог справиться с той тяжелой задачей, которую поручил ему Государь. Энергичный, прекрасный оратор, с большим личным мужеством, убежденный монархист, знакомый с земством и аграрным вопросом, он резко отличался от других представителей власти, чаще всего только хороших или плохих бюрократов. Он был полной противоположностью такому человеку, как Витте, который не обладал ни мужеством, ни прямоотой взглядов. Он хотел привлечь в свое правительство представителей общественности (Гучкова, Н.Львова, Самарина), но их условия были неприемлемы.

По всей стране опять прокатилась волна политических убийств, военных бунтов, грабежей банков и почтовых контор. Наконец, было совершено покушение на П. А. Столыпина. На его даче были брошены бомбы. При этом погибло много людей и была тяжело ранена дочь Столыпина. На следующий день террористы убили генерала Мина, который подавил восстание в Москве и предотвратил кровопролитие в Петербурге. Государь предложил Столыпину переехать в Зимний Дворец, чтобы предохранить его от новых покушений. П. А. Столыпин продолжал свои деятельности, руководствуясь двумя принципами: уничтожить революцию и провести реформы в стране. Столыпин заявил в одном из своих сообщений: "Революция борется не за реформы, проведение которых почитает своей обязанностью и правительство, а за нарушение самой государственности, крушение монархии и введение социалистического строя".

Столыпин наметил целый ряд реформ, а для подавления революции учредил военно-полевые суды. Это было совершенно необходимо, так как за год было убито 768 представителей власти, в том числе варшавский генерал-губернатор Вонлярлярский, петербургский градоначальник фон-дер Лауниц и др.

В своих реформах Столыпин главное внимание обращал на сельское хозяйство и положение в деревне. Указами правительства в это время были отменены все ограничения для крестьян: в отношении государственной и военной службы, в отношении поступления в учебные заведения, в отношении власти сельского схода над отдельными крестьянами. Этим актом менялся уже характер владения

землей, земля признавалась личной собственностью крестьян. Но все это было только подготовкой к ликвидации векового зла — общины. Началась эпоха развития и укрепления частной земельной собственности. Поэтому указ 9-го ноября 1906 года о раскрепощении общины является, конечно, историческим событием.

В это время началась подготовка к выборам во вторую думу. Вторая дума была думой крайних социалистов и крайних правых. Население мало интересовалось новой думой. В думе П. А. Столыпин выступил со своей речью, ставшей известной своей заключительной частью: "Правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустойства, но иначе оно должно отнестись к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у власти паралич и мысли, и воли, все они сводятся к двум словам — "руки вверх." На эти два слова, господи, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить тоже двумя словами: "не запугаете".

Затем в одной из своих речей, говоря о своем любимом детище, реформе сельского хозяйства, Столыпин сказал: "Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия".

Но и вторая дума, была неработоспособна. Социал-демократы вошли в связь с группой распропагандированных солдат, которые называли себя военной организацией с.-д. Подготовлялся военный заговор. Столыпин потребовал снятия депутатской неприкосновенности с думской фракции соц.-дем. за устройство ею военного заговора. 3-го июня 1906 года дума была распущена и арестованы депутаты с.-д.

Затем правительством Столыпина былработан новый избирательный закон, который мог бы дать работоспособное народное представительство в рамках существующих законов. Новый избирательный закон дал третью государственную думу, которая была более работоспособна, чем первые две. И члены думы и государственного совета имели право вносить запросы министрам. Для проведения в жизнь всякого нового закона и для отмены старого требовалось согласие обеих законодательных палат и утверждение Государя.

Столыпин прилагал все усилия, чтобы была как можно скорее уничтожена община. Вот выдержка из одной из его речей в думе по этому поводу: "Неужели не ясно, что кабала общины и гнет семейной собственности являются

для девяноста миллионов населения горькой неволей? — Неужели забыто, что путь этот уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу?" Закон о земельном переустройстве прошел большинством голосов против социалистов, кадетов и части правых. Приблизительно в это же время Столыпин заявил в думе: "Итак, на очереди главная задача — укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед всем миром. Дружная, основанная на взаимном доверии работа — вот девиз для нас всех, русских! — Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России". Так говорил большой государственный человек и патриот П. А. Столыпин, который понимал, что России нужен мир и дружная работа для укрепления мощи русского государства. Но это же понимали и враги России, как внешние, так и внутренние, которые всячески стремились из государственной думы парламент сделать, в котором роль Монарха сводилась бы к чтению "тронных речей", то есть шпаргалок, заготовленных лидерами партий, послушных издревле враждебным историческому государственному строю силам.

Закон 9-го ноября стал фактически применяться с 1-го января 1907 года. Основным принципом начавшейся с этого дня огромной работы было разрешение свободного выхода из общины и установление личной крестьянской собственности на земле — личной, а не семейной. Содействуя также и закреплению в собственность и устранению чересполосицы, правительство Столыпина в особенности поощряло выделение отрубов и создание хуторов, считая, что именно таким путем может возникнуть жизнеспособное единоличное крестьянское хозяйство.

Деятельность правительства в аграрной области не ограничивалась проведением в жизнь закона 9-го ноября. Был создан земельный фонд из удельных и казенных земель. Кроме того, крестьянским банком за 14 месяцев (с 1-го января 1906 г.) было куплено 7.617 имений с 8.700.000 десятин. Продажа земель и сдача их в аренду крестьянам на льготных для них условиях сильно способствовала ускорению процесса ликвидации крупных имений; это вызывало серьезные возражения с хозяйственной точки зрения. Были сделаны заявления, что распыление крупных культурных хозяйств понижает экономический уровень страны. Правительство в известной степени приняло во внимание эти соображения и направило свои усилия на землеустройство и на развитие сельскохозяйственной культуры.

Наряду с земельной реформой главными предметами забот Столыпина за период третьей думы были переустройство армии на основании опыта японской войны, воссоздание флота и развитие народного образования. Большинство государственной думы шло рука об руку с правительством в земельном вопросе и играло активную роль в деле реорганизации армии и в вопросе народного образования. Уже осенью 1908 г. правительство разработало план постепенного введения всеобщего начального образования.

В 1911 году произошло событие, которое несколько пошатнуло положение Столыпина. Так как в западных и юго-западных губерниях почти все крупное землевладение принадлежало полякам, Столыпин стремился к тому, чтобы дать возможность русским элементам располагать в Земствах большинством. С одной стороны он предложил понизить в два раза земский имущественный ценз, а с другой стороны, разделить избирателей на две курии — польскую и русскую, причем по положению русская курия должна была избирать большее число гласных. Эта идея Столыпина встретила довольно упорную оппозицию со стороны крайне правых членов государственного совета. В Думе этот законопроект был принят с небольшими поправками. Крайне правые оппонировали в государственном совете из-за желания Столыпина провести некоторые либеральные реформы. 4-го марта 1911 года после кратких прений государственный совет отклонил предложение правительства о введении земств в западных губерниях. Столыпин понял, что против него ведется интрига правых членов государственного совета во главе с П. Дурново и В. Треповым. На другой день во время доклада Государю Столыпин сообщил о своем решении подать в отставку.

Государь, очень ценя Столыпина, отказался принять его отставку и попросил его найти какой-либо другой выход. Тогда Столыпин предложил Государю распустить обе палаты на несколько дней и провести закон о земстве в западных губерниях в редакции государственной думы в порядке 87 статьи Основных Законов. Чтобы не лишиться Столыпина, Государь выразил готовность согласиться на эту меру. Это было и наказанием за интриги для Дурново и Трепова, им было еще предложено прервать на некоторое время их работу в государственном совете и уехать из Петербурга. Но все же Государь сказал, что он хочет еще все обдумать, прежде чем он вынесет свое окончательное решение. Очень скоро это стало известно во многих кругах как правительственных, так и общественных, и мнения разделились — одни были за Столыпина, другие против.

Но, как только стало известно, что Государь полностью принял все то, на чем настаи-

вал Столыпин, — как сразу же резко изменились взгляды многих, которые за несколько дней до этого были полностью на стороне Столыпина. Одним из первых резко изменивших свой взгляд был Гучков, демонстративно отказавшийся от поста председателя государственной думы и выехавший на Дальний Восток.

Внутренние враги России полностью отдавали себе отчет в том, что, пока Столыпин жив и будет находиться у власти, им никак не удастся создать те условия, при которых они будут в состоянии вызвать в стране смуту и, в конечном результате, захватить власть в свои руки. Столыпин был им ненавистен как министр внутренних дел и председатель совета министров, т.к. он укрепил положение внутри государства и всеми силами стремился путем реформ еще более укрепить и улучшить культурное и экономическое положение страны. Боевая организация социалистов-революционеров стремилась путем многих террористических актов к уничтожению администраторов, думавших о благе народа и государства. Благодаря энергичному противодействию Столыпина боевая организация социалистов-революционеров была почти сведена на нет.

Крайне правые, близко стоявшие к придворным кругам и враждебно настроенные против Столыпина, воспользовались этим поводом и стали еще более интриговать против него. Столыпин говорил своим ближайшим сотрудникам, что для него вполне понятна враждебность по отношению к нему со стороны крайне левых, которые путем покушений на него стремились лишить его жизни, но совершенно непонятна враждебность к нему со стороны крайне правых. Столыпин также говорил, что эти люди не желают понять, что Россия не может оставаться в том положении, в котором она была до октября 1905 года, если хочет избежать крайне жестокой революции. Крайне необходимы всевозможные реформы, и надо понять, что все народы, населяющие Россию, должны быть равноправными гражданами.

Столыпин видел, что интриги против него продолжают, и был в очень подавленном душевном состоянии. В конце августа в Киеве должно было состояться открытие памятника Императору Александру II в присутствии Государя и высших представителей правительства. Первого сентября вечером в Городском Театре был торжественный спектакль, ставили "Жизнь за Царя". У киевской полиции были сведения, что какие-то террористы готовят покушение, и в первые дни торжества кордоны полиции и жандармов видны были повсюду. Они стесняли толпу, собравшуюся приветствовать Государя, и по его настоянию были сведены к минимуму.

Спектакль в театре уже близился к концу,

как вдруг во время второго антракта к Столыпину, стоявшему перед первым рядом кресел, быстрыми шагами подошел неизвестный молодой человек во фраке и почти в упор выстрелил в него два раза. Столыпин пошатнулся, но выпрямился и, повернувшись к Царской ложе, левой рукой осенил ее широким крестным знаменем (правая была прострелена). Потом он опустился в кресло. Раздался крик. Убийца медленно направился к выходу, но у двери его схватили. Раненого Столыпина перевезли в клинику. Сразу же определилось, что пуля задела печень и что положение весьма серьезное. "Передайте Государю, что я рад умереть за него и за родину", — сказал Столыпин, когда его выносили из театра.

Первые два-три дня сильный организм боролся с ранением, и газеты писали, что Столыпин выживет. Со всех концов России поступали на имя Столыпина телеграммы с выражением скорби и с пожеланием выздоровления. Государь посетил клинику, где находился Столы-

пин, но состояние раненого было уже признано безнадежным и 5-го сентября Столыпина не стало.

В эту минуту широкие круги почувствовали, какого большого государственного человека утратила Россия. Геройская смерть Столыпина показала с предельной яркостью, что этот человек жил и работал для блага Родины, которую он беззаветно любил. Столыпина похоронили в Киево-Печерской Лавре. Предчувствуя свою смерть, Столыпин сказал: "Где меня убьют, там пусть меня и похоронят."

Смерть Столыпина была тяжелым ударом для русского государства. Рука убийцы Богрова, социалиста-революционера, лишила Россию человека, который руководил правительством в самые критические годы революции 1905—1906 гг., эту революцию ликвидировал и, производя самые нужные реформы во всех отраслях государственного управления, повел Россию к новому расцвету.

С.Т.

ФИЗИКИ, ХИМИКИ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Нефть — не топливо. Топить можно и ассигнациями.

Д. И. Менделеев

И с этою плазмой дойдешь до маразма.

И это довольно почетно.

В. С. Высоцкий

... Восток похоронит Запад в яме, которую последний сам для себя выроет...

В. И. Ленин

... Одна из причин, ослабляющих позиции Запада, — это зависимость от поставок нефти ("роковая зависимость"...). Именно в это чувствительное место нацелена геополитика СССР...

... независимые от нефти источники энергии должны развиваться, включая уголь, несмотря на его экологические минусы...

акад. А. Д. Сахаров

Клин клином вышибают.

(Русская народная пословица)

Вот уже десятилетие, как демократический мир сжимают тиски энергетического кризиса. В чем просчет?!

Что легло в основу той недальновидной технической политики, которая привела к таким тяжелым последствиям экономик свободно-го мира?

Как ни неприятно, но придется вспомнить некоторые обстоятельства полу- и четверть-вековой давности.

В середине 1930-х годов основоположник ядерной физики Э. Резерфорд очень обоснованно (по тому времени) полагал, что атомная энергия — удел далеких будущих поколений. Но буквально через год после его смерти было обнаружено удивительное свойство самых тяжелых ядер, ядер урана, делиться при попадании в них незадолго до того открытой нейтральной ядерной частицы, нейтрона, надвое с выделением огромной энергии и... новых нейтронов. С этого началась цепь фантастических успехов ядерной физики, в последующие два десятилетия, казалось бы, превративших это утверждение Резерфорда в один из курьезов истории научной мысли¹.

Управляемая цепная реакция деления урана нейтронами была осуществлена в крупных масштабах до взрывной. Но в силу тогдашней ситуации — в период второй мировой войны и в первые годы после нее — главной целью работ, предпринятых в США, а затем и в Англии, была именно сверхмощная бомба, а не тепловая энергия, которая отводилась во внешнюю среду — воду или воздух. "Атомный"

¹ Подобно тоже хорошо обоснованным утверждениям Г.Герца о непригодности открытых им электромагнитных волн для беспроволочной дальней связи или О.Конта о непознаваемости химического состава небесных светил.

век начался с бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, завершивших вторую мировую войну и произведших жуткое впечатление на целое поколение. Не прошло и десяти лет, как была осуществлена взрывная "термоядерная" реакция синтеза, т.е. слияния легких ядер в более тяжелые, — идущий с колоссальным выделением энергии процесс, в принципе сходный с процессами, происходящими в недрах звезд. Мощность термоядерных взрывов во столько раз превысила мощность взрывов первых атомных бомб, во сколько последние — взрывы самых крупных авиабомб с химической взрывчаткой.

В 1955 году, через десять лет после атомных бомбардировок японских городов, в Женеве открылась первая всемирная конференция по мирному использованию ядерной энергии, только-только начавшемуся. Председатель конференции, крупнейший индийский физик Хоми Баба, с уверенным оптимизмом выразил свое искреннее убеждение в том, что уже недалеко время, когда будет осуществлен управляемый термоядерный синтез. Топливом для него будут служить изотопы самого легкого элемента — водорода, имеющегося в практически неограниченном количестве в мировом океане; и человечество овладеет неограниченным источником энергии.

Эти далеко идущие надежды виднейшего индийского ученого в то время разделяло большинство его западных коллег, в недавнем еще прошлом осуществивших цепную реакцию деления урана и плутония, создавших атомную и водородную (т.е. термоядерную) бомбы и заложивших основы ядерной энергетики. Предполагаемые ими сроки составляли от десяти до двадцати лет, т.е. от середины шестидесятых до середины семидесятых годов.

Это был еще золотой век ядерной физики, когда с мнением специалистов-атомщиков очень считались и руководители большого бизнеса, и государственные деятели Запада.

Несмотря на периодически повторявшиеся блефы с "термоядерными" нейтронами, якобы получавшимися в опытах с высокотемпературной "плазмой", которые производились в крупнейших центрах физической науки, техническая мысль неудержимо заработала в этом направлении. Как грибы росли проекты, один другого удивительнее, в основе которых находился "черный ящик" — управляемый термоядерный реактор. В ожидании энергетического чуда был определен его "тепловой барьер", обусловленный опасностью перегрева земной атмосферы.

Без чудес, правда, в 50-е — 60-е годы не обошлось: люди запустили искусственные спутники, взлетели в космос, достигли Луны. Но все — на химическом топливе. Обещанная же в неограниченном количестве термоядерная

энергия запаздывала на все более неопределенный срок. Давнее предположение Резерфорда упорно не устаревало, как только речь заходила об управляемом термоядерном синтезе.

Дело в том, что, в отличие от цепной реакции деления урана нейтронами, для термоядерных процессов с положительным энергетическим выходом требуются температуры во много миллионов градусов, устойчиво существующие в недрах звезд и не существующие на меньших небесных телах. Апокалиптические термоядерные взрывы при испытаниях водородных бомб инициировались лавинной цепной реакцией деления ядер урана или искусственно получаемого в ядерных реакторах "трансуранового" элемента — плутония, развивавшей (как в "атомной" бомбе) требуемые внутризвездные температуры на кратчайшие промежутки времени. Запереть же термоядерного джина в плазменную бутылку с магнитными стенками и заставить его там работать никак не удавалось; и "черные ящики" оставались черными ящиками.

Печально, но факт, что через четверть века после испытания "мультимегаатонной" водородной бомбы на острове Бикини ее "отец" Э. Теллер в своей новой книге "Энергия из небес и земли" ("Energy from Heaven and Earth", W. H. Freeman & Co, Oxford — San Francisco, 1979) указывает, что придется еще долго ожидать, пока станет возможным использование управляемой реакции термоядерного синтеза.

Энергетическое чудо так и не наступало, а тем временем потребление жидкого топлива стремительно росло — причем и в отраслях, могущих вполне обходиться и другими видами топлива — в производстве электроэнергии, в теплофикации и т. п. Бурно развивался автомобильный и авиационный транспорт, и почти не развивался, а то и сворачивался железнодорожный и речной. Добыча угля, несколько столетий бывшего "хлебом промышленности", почти не увеличивалась, а в ряде стран — снижалась. Зато все большую роль в мировой энергетике стала играть нефть, добываемая в политически неустойчивых регионах мира. Парадоксально, но факт, что некоторые западные экономисты начала 60-х годов "научно" предсказывали дальнейшее снижение цен на нефть, проглядев образование гигантского нефтяного суперкартеля ОПЕК. Вопреки здравому смыслу, демократии Запада после второй мировой войны не только не укрепляли, но и теряли свое влияние в нефтедобывающих странах Ближнего Востока, а Советский Союз всеми возможными способами этому содействовал — в полном соответствии с марксистско-ленинской доктриной. За короткое время нефтедобывающие страны "третьего мира" научились пользоваться оружием нефтяного шантажа,

вызывая бурные потрясения экономики Запада. Дорогостоящая добыча собственной нефти с больших глубин и из-под морского дна лишь отчасти облегчала положение.

Ядерная энергетика, основанная на использовании управляемой цепной реакции деления урана или плутония нейтронами в реакторах различных типов, развивалась за эти годы относительно медленно. Конечно, здесь, особенно в начальный период развития, сыграли существенную роль специфические особенности этой новой отрасли: сложная технология добычи и обработки урана, трудности последующей его переработки и удаления радиоактивных отходов, чрезвычайно высокие требования к качеству материалов, конструкций и общей технической культуре изготовления, монтажа, наладки и обслуживания энергетических установок, опасность заражения окружающей среды радиоактивными выбросами при авариях (или диверсиях²), изъятие образующегося в реакторах плутония для нужд вооружения (вместо его использования в качестве ядерного топлива) и пр. Но немалую роль играет на демократическом Западе и общая настороженность (легко переходящая в предубежденность) в отношении ядерной энергетике, порожденная страхом перед ядерным оружием³. Любая авария на ядерной установке на Западе сразу становится достоянием средств массовой информации, на которую — даже при отсутствии взрыва или утечки радиоактивных и ядовитых веществ — публика реагирует так же, как в свое время на неприятности с первыми паровыми двигателями⁴. В то же время положительные достижения в области использования ядерной энергии широко не пропагандируются и редко выходят за пределы специальной и, в лучшем случае, научно-популярной литературы.

² От международного терроризма, инспирируемого Советским Союзом, можно ожидать и этого, причем в ближайшее время. В начале 1981 г. баскские террористы убили инженера атомной электростанции Х.М.Райяна за отказ испанского правительства ликвидировать станцию и объявили, что это убийство является началом кампании террора против служащих этих станций. Совсем недавно был убит террористами министр экономики земли Гессен (Федеративная Республика Германия) Кари — решительный сторонник использования ядерной энергии в мирных целях.

³ О том, что огонь издавна применялся в военном деле различными способами (включая и напалм древности — греческий огонь) предпочитают не вспоминать; а о том, что кипяток применяли, а сжатый пар пытались применять на войне задолго до создания паровых машин — вообще мало кому известно.

⁴ Например, около 150 лет назад во Франции лопнул котел парового дилижанса, в результате чего был легко ранен его машинист и неопасно обожжены несколько пассажиров. На следующий день (при тогдашних средствах сообщения) в ряде газет появился рисунок: в облаке пара, дыма и пламени разлетаются руки, ноги, головы, тела без оных, колеса, рычаги и пр.

Это отношение свободного общества к ядерной технологии, доходящее иногда до прямых актов насилия, непрерывно подогревается хорошо поставленной демагогической пропагандой, проводимой под лозунгами защиты окружающей среды и инспирируемой из коммунистического мира, внутри которого такого рода проблематика строго засекречена, широкому обсуждению не подлежит и потому ни аварий, ни утечек, ни лучевых заболеваний не бывает — независимо от их масштабов и последствий. Об аварии, происшедшей тридцать лет назад, в Виндскейле, на первом английском мощном ядерном реакторе, не забыли и ныне; об аварии на американской ядерной электростанции на Трехмильном острове (кстати, не принесшей фактически вреда и как раз доказавшей высокую надежность средств защиты) будут вспоминать многие годы. Но кто в СССР знает, что случилось в не существующем вот уже тридцать лет на картах "социалистическом", т.е. закрытом полностью уральском городе Кыштым в конце 1950-х годов и что произошло в результате?⁵ А кто знает, тот должен молчать...

Тем не менее, в первой половине шестидесятых годов — еще до повышения цен на нефть — энергия, получаемая на ядерных электростанциях, стала вполне конкурентоспособной по стоимости, которая продолжала неуклонно снижаться и к концу семидесятых годов стала уже в ряде стран Запада дешевле, чем энергия, получаемая от сжигания нефти и угля. Реакторы на быстрых нейтронах позволили перейти к использованию основного изотопа урана и тем самым многократно увеличить выход энергии. Огромный прогресс, оставшийся неизвестным широким массам, был достигнут в области техники безопасности и защиты окружающей среды. Тем не менее за четверть века доля электростанций на ядерном топливе в мировом производстве электроэнергии достигла лишь нескольких процентов. Станут ли они к концу столетия доминировать в большой энергетике — все еще проблематично. Прямое применение ядерной энергии для нужд транспорта ограничено только судами большого водоизмещения из-за необходимости в громоздкой защите от радиоактивных излучений. Заменить ею непосредственно жидкие моторные топлива для наземного и воздушного транспорта невозможно.

Неиспользуемые гидроэнергоресурсы высокоразвитых стран свободного мира ограничены и явно недостаточны для покрытия их растущих энергетических потребностей. К тому же, их использование часто сопряжено с высокими капиталовложениями и значительными

⁵ Массированное заражение обширных площадей радиоактивными веществами с малыми и большими периодами полураспада.

нарушениями экологической ситуации в густонаселенных районах. Одним из редких исключений является, пожалуй, Ниагарский водопад. Но, как подсчитали в США, приток туристов к нему приносит больший доход, чем дали бы несколько миллионов его киловатт, направленных в турбины. Что ж, хозяевам виднее.

Попытки использовать "новые" виды энергии: морских приливов, ветра, геотермальной, непосредственно солнечной и др. — уже обошлись в солидные суммы и привели лишь к небольшому локальным улучшениям энергетического баланса. Производство моторного топлива на основе спирта, получаемого из быстро растущей биомассы сахарного тростника, тоже не привело к радикальному решению проблемы даже в тропических странах с влажным климатом и большими площадями свободных земель; централизованная переработка мусора в жидкое топливо — тем более (хотя и очень полезна экологически).

Перевод автомобильного транспорта на водород и электропитание, безусловно улучшит экологические условия в больших городах, но он связан с решением сложных технических проблем и обещает быть процессом длительным — не менее двадцати лет. А снижение потребности в жидких углеводородных моторных топливах будет сопровождаться соответствующим увеличением расхода электрической энергии на производство водорода и зарядку источников питания.

Технический прогресс в области добычи и переработки угля и других твердых горючих ископаемых (запасы которых многократно превышают запасы нефти): автоматизация их добычи из мощных пластов, подземная газификация в тонких пластах, неудобных для добычи, превращение их в жидкое топливо и пр. вскоре после окончания второй мировой войны почти приостановился, несмотря на быстрый рост цен на нефтепродукты на протяжении всего периода ожидания термоядерного энергетического чуда. Между тем, жидкое моторное топливо из твердых горючих ископаемых — не такая уж и новинка. Его производили миллионами тонн из бурых углей и сланцев более тридцати пяти лет назад в воюющей нацистской Германии⁶, что помогло ей тогда успешно преодолевать острейшую нехватку нефти.

Бывший нацистский министр вооружений

⁶ В Советском Союзе вскоре после окончания второй мировой войны был построен (с участием "интернированных" немецких специалистов) завод искусственного жидкого топлива, но затем переведен на выпуск другой продукции. В 1950-х годах одна французская фирма демонстрировала на выставке произведенное ею из угля горючее для самолетных реактивных двигателей под названием "Carbojet".

Шпеер, отсидевший двадцать лет в заключении по приговору Международного трибунала в Нюрнберге, высказал мнение, что это была куда менее трудная проблема, чем массовое производство тяжелых бомбардировщиков и разработка атомной бомбы, успешно осуществленные в те времена.

Мусульманский переворот 1979 года в Иране, агрессия Советского Союза в Афганистане и Ирано-Иракская война, чрезвычайные для Запада потери нефтяных источников Ближнего Востока буквально в течение ближайших лет (если не месяцев), должны были бы послужить серьезным поводом для перехода от паллиативных мер — в ожидании термоядерного или иного чуда — к широкому использованию собственного угля и других твердых горючих ископаемых на современной научно-технической базе для производства электроэнергии, централизованной теплофикации и, главное, для переработки в жидкие моторные топлива. Конечно, здесь свои экологические проблемы, хотя и менее сложные, чем у ядерной энергетики; зато другие ограничения, сдерживающие рост последней, отсутствуют. Высокие же цены на нефтепродукты обещают сделать это направление весьма прибыльным. Надо полагать, что решающее слово, которого энергетика так долго ждала от физиков, теперь за химиками.

В нескольких странах Запада уже работают предприятия по переработке угля в жидкое горючее. Еще больше предприятий строится. Так, Южно-Африканская Республика, уже немало лет живущая в условиях официального бойкота со стороны не только коммунистического, но и значительной части свободного мира, к лету 1980 года покрывала уже свыше трети своих потребностей в жидком топливе за счет производства его из угля. Бразилия успешно развивает производство жидких топлив из сланцев.

Основное сырье для такого рода производств — уголь или сланец и вода, а отходы — привычный углекислый газ и шлак, который может быть утилизирован. Улавливание твердых частиц из дыма на крупных предприятиях может в значительной мере окупиться, если их использовать в качестве сырья, содержащего редкие элементы. Потребителем основной продукции будут прежде всего массовый пассажир городского транспорта и владелец автомашин, одинаково страдающие от нефтяного кризиса. Поэтому спровоцировать широкое экологическое ("зеленое") движение против этой отрасли агентуре влияния СССР и нефтедобывающих стран будет куда труднее, чем против ядерной и даже "угольной" энергетики. И потому они обращают и против углехи-

мии острие международного террора⁷. Скупка патентов по энергетике за нефтедоллары, промышленный шпионаж и саботаж на углехимических предприятиях, производящих жидкое горючее, — нити от всего этого ведут в СССР, к его новым и старым спутникам и в нефтедобывающие страны Ближнего Востока. Видно, там уже хорошо поняли, как бы не лучше, чем на Западе, что именно это направление технического прогресса — одно из наиболее противодейственных нефтяному шантажу⁸.

Если свободный мир успеет форсировать необратимый прогресс в области использования своих собственных твердых горючих ископаемых, то попытка Советского Союза подорвать его экономику с помощью нефтяных магнатов

⁷ Как это уже произошло в ЮАР летом 1980 г.

⁸ О намеренной порче солнечных водонагревателей или мусороперерабатывающих установок, равно как и экспериментальных агрегатов для исследования высокотемпературной плазмы, сведений пока что не поступает.

будет провалена, а нефтяные шейхи "третьего мира" окажутся в положении, в котором сто лет назад оказались плантаторы каучукового дерева в Бразилии. С термоядерной же энергии можно будет подождать физиков еще лет сто или двести.

Итак, освобождение от нефтяного, а вместе с тем и политического шантажа Западу мог бы принести добрый старый уголь и горючие сланцы, лежащие буквально у него под ногами. Но для этого необходимы активная воля, целеустремленность и быстрота реакции — самые, по-видимому, дефицитные в наши дни качества "свободного мира".

⁹ Напомним, что в конце прошлого века, когда начавшая быстро развиваться электротехническая промышленность (автомобили появились позже) не знала иной мягкой изоляции, кроме резиновой, бразильские монополисты каучукового дерева — хевеи прикуривали сигары от стофунтовых ассигнаций и перевозили через океан в разобранном виде целые театры. После драматического похищения семян хевеи и ее акклиматизации в других районах мира эти магнаты стали нищими.

Е. КАРМАЗИН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(Возрождение сталинизма в экономике)

Восстановление сталинизма (или неосталинизма) в СССР началось сразу после свержения Хрущева. Но в управлении экономикой этот процесс был сперва ограниченным. Прежде всего стал нарастать нажим министерств на предприятия, чтобы как можно больше сократить некоторую их автономию, допущенную к тому времени. Затем была восстановлена ненавистная предприятиям система утверждения сверху штатов их управленческого персонала. Однако в последнее время этот злокачественный процесс возвращения сталинских методов коснулся уже главных показателей промышленности.

В "Основных положениях о премировании" ("Экономическая газета" № 39, сент. 1980 г.) записано: "При корректировке плана в сторону снижения работники предприятия лишаются премий полностью или частично, но не менее, чем на 50%". Таким образом, даже в случае, когда самое высокое начальство — вплоть до госплана и министерств — согласится, что план был неправильный, работники предприятий все равно наказываются. Итак, железные сталинские планы вернулись. В чем же заключается сущность этого возврата? Никакой план (и никакой рынок) не может заранее предвидеть все реальные обстоятельства. Поэтому в постсталинскую эру было выдвинуто требование, что планы должны быть **обоснованными**. Это значило, что в случаях несоответствия

реальных возможностей (оборудования, сырья, производственных площадей, сбыта и т.д.) запланированным — планы подлежали изменению. Это не было легко. Предприятия должны были убедительно доказать, в министерстве тщательно рассмотреть, но процедура считалась нормальной. И вот теперь, под напором сталинистов, невед и демагогов, снижать план становится невозможным, а любая записанная в нем бессмыслица стала незыблемой.

Сколько убытков и катастроф принесет это переменяющееся безумие как экономике страны, так и людям, в ней работающим, — никто никогда не подсчитает. Но сущность тоталитарной системы проявляется здесь очень ясно: мы никогда не можем быть гарантированы от возврата уже, как казалось, осужденных и опороченных методов.

Другой подобный случай касается себестоимости. В "Основных направлениях развития СССР на 1981-85 гг." ("Экономическая газета" № 19, декабрь 1980 г.) указывается, что необходимо "уделять особое внимание снижению себестоимости и существенно усилить роль этого показателя в оценке деятельности и стимулировании коллективов предприятий". Снижение себестоимости как показатель было отменено реформой 1965 г. и вместо него была введена прибыль. Формально это не имело большого значения, т.к. прибыль — обратная себестоимости величина (цена минус себестои-

мость). Но в действительности, в связи со спецификой учета этих показателей, это означало отмену извращенной сталинской системы. Ведь постоянное снижение себестоимости могло производиться только за счет ухудшения качества изделий. Часто изделие уже просто негде было "резать", но план все равно этого требовал.

В борьбе с этой формой безумия предприятия применяли "игру на ассортименте", т.е. изготавливали не те изделия, которые требовал потребитель, а те, на которых можно было показать снижение себестоимости. Применялась и более изощренная форма лукавства: план составлялся из расчета не реального, а специально подобранного ассортимента, который обеспечивал заданное снижение себестоимости. На деле же выполнялся реальный ассортимент, а снижение себестоимости определялось "в пересчете на фактический ассортимент". В результате этого план по себестоимости считался выполненным, а прибыли не было: ведь прибыль — вещь реальная и никакими "пересчетами" не создается. Наконец, существовало деление продукции на сравнимую и несравнимую, т.е. на ту, которая была в прошлом году, и которой не было. План по себестоимости надо было выполнить отдельно по каждой из них. На деле продукция редко бывает полностью сравнимой: постоянно происходят те или иные изменения в технологии или комплектации, которые часто удорожают изделие. К тому же приводят рост зарплаты рабочих и увеличение технического персонала. Это тоже вносило невероятное осложнение в работу предприятий. В отчаянии руководители создавали целые дела о разрешении отнести ту или иную продукцию к несравнимой, но и это не спасало положения. Вот всю эту тройную мерзость, отмененную 15 лет назад, снова хотят восстановить...

Жутко наблюдать, как сталинская нечистая сила лезет из щелей, чтобы отравить все, что возможно. Но не менее грустно видеть, как "давно разоблаченная морока" высовывается со страниц почтенных эмигрантских изданий. Вот, например, в книгах И. Ефимова "Без буржуев (Изд-во "Посев", 1979, стр. 242) и М. Поповского "Управляемая паука" (Лондон, 1978, стр. 262) корректировки планов рассматриваются как чудовищная советская выдумка, маскирующая жуткий факт невыполнения первоначального плана. Странно при этом, что оба автора выступают как убежденные сторонники рыночного хозяйства, а ведь на Западе администрация завода пересматривает многократно свои планы и оценивает свою деятельность в зависимости от ситуации. Впрочем, теперь эти пламенные борцы за неприкасаемость планов могут успокоиться: компетентные власти постановили ликвидиро-

вать допущенный в плановой системе беспорядок.

КРИТИКА ПОД РУКОВОДСТВОМ ЦЕНЗУРЫ

В ряде сочинений недавно выехавших из СССР журналистов и писателей применяется метод критики советской действительности на основе материалов советских газет. Считается, что это обеспечивает полную объективность. Авторы таких исследований не подозревают, очевидно, что советская цензура допускает критику если уже намечены какие-либо внушительные меры по данному вопросу. И вот по законам диалектики праведное негодование наших критиков летит прямо в воздух, под громкий хохот тамошних пропагандистов.

Возьмем книгу И. Ефимова "Без буржуев". На основе многочисленных газетных цитат автор мечет громы и молнии по поводу "Чудища-вала" за то, что он включает в себя стоимость материалов (стр.201). Поэтому предприятия стремятся использовать как можно более дорогие материалы, в ущерб потребителю. Не могу сказать, в каком месяце вышла книга Ефимова, но в Москве издали 12 июля 1979 г. постановление ("Экономическая газета" №32, 1979 г.) об отмене вала и введении "чистой продукции", т.е. вала за вычетом материалов. Итак, вопрос решен, а "чудище" — обратилось в пыль. Из постановления, однако, не видно, что чистую продукцию мусолили ровно 20 лет. Еще в 1960 г. этот показатель испытывался в масштабе нескольких областей и началась подготовка к его совместному внедрению. Но экономическая реформа 1965 г., устранив ряд сталинских окаменелостей, под шумок смахнула и чистую продукцию. И вот только теперь этот показатель был, наконец, утвержден.

В другом месте И. Ефимов пишет, что существующая система планирования строительства по объему капиталовложений ведет к неимоверному нарастанию незавершенных строек, т.к. строители в первую очередь выполняют дорогостоящие работы, а сооружения в эксплуатацию не сдают. В связи с газетной полемикой по этому поводу автор даже утверждает, что "безнадежными представляются любые попытки плановиков выработать единый критерий оценки труда строителей" (стр. 58). Но то же постановление от 12.7.79 г. установило, что строительством отныне будет управлять показатель "товарная строительная продукция", т.е. стоимость полностью законченных объектов. Только диву даешься, почему не могли решиться сделать это раньше. Ведь прежний показатель "стоимость устроительно-монтажных работ" критиковался с незапамятных времен.

Далее, И. Ефимов резонно замечает, что применяемый на автотранспорте метод учета "тонно-километров" создает бесконтрольные приписки. "Рейс — не дом и не станок, его не потребуешь для проверки. Что-то куда-то перевезли — пойдешь, проверь, было это или нет." (стр. 79). Но с 1 января 1979 г. (еще и книга, наверно, не вышла) эта система была ликвидирована ("Экономическая газета" № 7, 1979 г.) Теперь путевой лист (расстояние) совмещен в одном документе с транспортной накладной (грузы), а в ней уж никакой получатель не припишет себе неполученные ценности. Развернуться в приписках автоперевозок теперь можно только за счет мусора и снега, но на этом все же далеко не уедешь.

Наконец, И. Ефимов обличает пороки показателя реализации (т.е. оплаты выпущенной продукции). Бывает, что у потребителя финан-

совый кризис, и он не может оплатить счет, а изготовитель из-за этого не выполняет плана. Или, в результате помесечного метода учета, заводы должны "играть в финансовые прятки", не отпуская готовую продукцию, если план уже выполнен (стр. 208). Но реформа 12.7.79 простым движением пера решила эти проблемы. Теперь оплата счетов при отсутствии средств у потребителя происходит за счет банковского кредита, а учет выполнения плана ведется нарастающим итогом с начала года. А ведь об этом не смели и помыслить на протяжении десятилетий.

И впрямь — "подобно Испании XVII века, мы боремся с трудностями, которые сами себе создаем и постепенно изнемогаем в этой борьбе." (Г. Померанц, "Неопубликованное" изд-во "Посев", 1972, стр. 136).

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

МИЛОСЕРДНАЯ ПРОСТОТА (Общедоступная религиозная беседа)

ОТ РЕДАКЦИИ: Проповеди будут печататься и в следующих номерах. Всех, у кого возникают недоуменные вопросы, просим присылать письма на адрес редакции.

"И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними" (Лука, VI.31). Простая, исходная, понятная и даже на первый взгляд элементарная, легко выполняемая заповедь. Заповедь вполне приемлемая даже для человека неверующего, воспринимающего ее с чисто рационалистической точки зрения и видящего в ней лишь этически осмысленную и практически оправдываемую норму поведения в обществе. Впрочем, атеистическое мышление может воспринять приводимую заповедь как нечто даже и выгодное, приносящее несомненную пользу человеку, пользу не духовную, а скорее материальную.

Для верующего человека, подходящего к этой заповеди Спасителя с более глубокой, духовной, а точнее, религиозной точки зрения, она представляется не только как простая и ясная норма поведения, но одновременно также как и невероятно сложная. Ибо заповедь эта имеет две стороны, из которых люди века сего видят только одну. Остановимся на этом подробнее и попытаемся разъяснить не только простоту, но и сложность приводимого нами повеления Спасителя.

Вы стремитесь выполнить это указание Господа, стараетесь отнестись к тому или иному человеку именно так, как вы хотели бы, что-

бы он относился к вам. Вы поступаете в данном случае правильно, но результаты вашего отношения могут быть совершенно различными. В ряде случаев ваше отношение к тому или иному лицу или группе лиц даст несомненно положительные результаты. Это будут люди, стоящие более или менее на том же уровне духовного развития, что и вы, или даже выше вас и при этом не обремененные никакими предвзятыми догмами, вызывающими недружелюбное к вам отношение. Вас поймут и будут соответственно реагировать люди, идущие по своему жизненному пути в фарватере духовных интересов и с достаточно высокими духовными запросами. Они не обязательно будут такие же верующие христиане, как и вы. Они могут быть людьми неверующими, но сохранившими в своей душе привязанность к высшим ценностям и в которых, несмотря на неверие или безверие, не замолк еще голос Божий, говорящий с людьми при помощи того явления, которое называется совестью. Исполняя заповедь Божию, мы должны помнить, что ее положительные духовные результаты могут в первую очередь и безотказно проявиться в отношении людей, как принято говорить, не потерявших совесть. Другими словами, заповедь Спасителя, о которой мы говорим, особенно ярко проявляется не только в нашем отношении к людям, но и во взаимодействии с ними. И на это последнее обстоятельство надо обратить особое внимание. Заповедь Господня отнюдь не статична. Она находит свое пол-

ное практическое раскрытие в процессе взаимодействия с людьми. И здесь нас ждут часто совершенно необычайные результаты, а для многих людей, не искушенных в добродетели, подчас и трагические. Мы уже отметили, что положительные результаты активно-добротного отношения к людям дадут себя знать в отношении далеко не всех людей. В действительной жизни в громадном количестве случаев мы столкнемся с людьми, у которых наше христианское отношение к ним может вызвать отрицательную реакцию, полную недоверия и озлобления. Здесь особенно часто бывают случаи, когда наше сильное добро превращается людьми во зло, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Другими словами, естественная и ожидаемая нами реакция будет отсутствовать. Каковы причины подобного явления, часто обескураживающего многих? Основная причина — укорененная приземленность людей, в силу ряда причин не видящих ничего другого, кроме современных стандартных отношений с себе подобными, отношений весьма далеко отстоящих от какого-либо приближения к евангельскому идеалу. Отсюда недоверие к людям, по-другому к ним относящимся. Далее идет крайний людской эгоизм, людская самость, закрывающая на вершинах этого состояния всякую возможность по-другому взглянуть на мир и на людей, его населяющих. Немаловажное значение в появлении отрицательной реакции имеет и иная направленность всей жизни людей, иной ее диапазон, иные цели. Указанное менее чувствуется в западном, хотя и до предела неразумно секуляризованном обществе; это особенно остро ощущается, например, в обществе советском, насквозь пропитанном атеистической пропагандой, дающей искаженное представление о религиозной жизни людей.

Господь предвидел сложности, возникающие при выполнении этой заповеди. И чтобы христиане не пошли в данном случае по наиболее легкому пути — иметь дело лишь с себе подобными или вообще с духовно созвучными им людьми, он ясно предупреждает нас о невозможности и недопустимости применять данную заповедь только к людям сочувствующим нам или любящим нас.

“И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники то же делают” (Лука, VI, 32—33). Легко относиться хорошо к человеку, любящему или понимающему нас. Но Спаситель ставит перед нами другую задачу — применить Его всеобъемлющую заповедь ко всем без исключения людям, в том числе к врагам, к ненавидящим или не расположен-

ным к нам людям. Имеет ли это смысл — спросят нас? Да, имеет, ибо применение заповеди Спасителя об отношении ко всем людям оказывает часто огромное воспитательное влияние на людей и с отрицательным духовным потенциалом. Может быть, результаты положительного характера скажутся не так скоро, и вначале мы столкнемся с весьма для нас неприятными явлениями. В данном случае, как уже указывалось ранее, добро, идущее от чистого сердца, будет превращено бездуховными людьми в нечто противоположное и будет оценено ими как не совсем понятное, для них скрытое, замаскированное зло. Последнее не должно кого-либо удивлять, огорчать, или доводить до такого состояния, когда человек окончательно разочаровывается и озлобляется в свою очередь на людское непонимание.

Надо всегда помнить и знать: добро часто может вызвать пароксизм зла, иногда весьма активного. И нельзя удивляться, если на наше добро отвечают злом. Надо принять подобное явление как совершенно закономерное при известных и указанных уже нами ранее условиях. Подобной реакции мы должны в ряде случаев ожидать как совершенно естественного явления, памятуя, что и зло неожиданно может перейти в свою противоположность. Ведь люди, недоброжелательно по тем или иным причинам к нам относящиеся, под терпеливым и не гневным воздействием постепенно начинают меняться.

Но когда зло окутывает своим темным покрывалом наши благие намерения и поступки, не имея никаких тенденций перейти в ответное добро, тогда на помощь приходит милосердие. Ибо только оно в своем последовательном проявлении может в данном случае помочь. Не ответным злом раздражения или недовольства мы должны реагировать на непонимание окружающих, не разочарованием в попытке на деле осуществить слова Христа, а милосердным к ним отношением. Почему же милосердным? — спросят нас. Потому что люди, так неправильно реагирующие на наше теплое, хорошее и участливое к ним отношение, в сущности находятся во власти темных сил, имя которым легион. Их много, и они составляют дьявольский хоровод, танцующий свой страшный танец и вовлекающий миллионы людей. И вырваться из него не так-то легко. Вот именно поэтому и надо жалеть и проявить милосердие к этим пленникам сатаны, отвечающим злом на добро. Ибо их реакция — один из вернейших признаков полной или частичной, заметной или незаметной одержимости дьяволом. При этом не надо думать, что вольные или невольные, сознательные, а часто и несознательные последователи темных сил, отдают себе отчет, по какому опасному пути они идут. В большинстве случаев они этого не знают. Не знают

ничего и окружающие их, ибо в своих обычных проявлениях они совершенно "нормальные люди", особенно в том обществе, где нормой поведения является приверженность к силам, прямо или косвенно борющимся с Богом. И указанное положение имеет место и на востоке, и на западе.

И когда мы сталкиваемся в нашем христианском делании с подобного рода людьми, отвечающими на добро злом, то единственным

нашим оружием против подобного противостояния может быть только милосердная простота, с любовью делающая добро тому, кто хочет ответить на него злом, и практически осуществляющая приведенную нами заповедь Спасителя. Ибо только эта милосердная и кроткая простота может снова зажечь светильник совести в отступивших от Христа людях и вернуть их из лагеря погибших к тем, кто в своей жизни поступает с людьми так, как заповедал Господь Иисус Христос.

Игумен ГЕННАДИЙ (ЭЙКАЛОВИЧ)

МЕТАПОЛИТИКА

Если под понятием **метаполитика** разуместь теоретические основы искусства управления государством "ад интра" (законы, экономика, военная мощь, просвещение, социальное законодательство, медицина и т.п.) и "ад экстра" (международные отношения), то здесь мы будем близки к той дисциплине, которая в настоящее время носит название **политологии**; если же под метаполитикой разуместь метафизику политики, то она, в некоторой мере, перекроется с философией истории или **историософией**.

Книга А. Московита, вышедшая в свет под вышеуказанным названием*, предлагает концепцию, не покрывающуюся целиком ни с политологией, ни с историософией, но в своеобразном сечении проходящую через обе эти дисциплины. Тему этой интереснейшей книги мы бы определили как вскрытие глубинной сущности мотивов человеческого поведения в его социальном и государственном аспекте. Теоретические постулаты в ней проверяются богатейшей иллюстрацией исторических явлений, и автор обнаруживает большую эрудицию в этой области. Психологически-литературное оформление материала за счет систематичности (и схематичности) снижает несколько научный характер книги, но делает ее более привлекательной для читателя, не являющегося специалистом в области историософии.

В конце книги автор затрагивает вопросы общей историософии, но фрагментарно, нанося лишь легкой кистью общий фон исторической целенаправленности как постепенного преобразования мира и жизни. Обширная библиография (79 позиций) относится только к цитированным книгам. Отметим отсутствие в перечне авторов таких известных имен как Данилевский, Шпенглер, Шубарт, Нортторп, Кребер, Сорокин и Арнольд Иосиф Тойнби. Но...

это уже "чистая" историософия. Отмечаем это не в виде упрека, а лишь в порядке благожелательного сожаления.

Приступим к передаче содержания книги, развивающегося в рамках координат: горизонтальной как борьбы принципов свободы и необходимости, и вертикальной как борьбы принципов веденья и невежества.

Для того, чтобы составить объективное суждение о человеческом поведении вообще, надо свести многообразие субъективных оценок о явлениях, результирующих из него, к общему знаменателю и, затем, отправляясь от этого общего знаменателя, проследить индивидуальное проявление его в жизни и из целого, полученного таким образом материала вывести соответственные закономерности.

А. Московит утверждает, что таким общим знаменателем, присущим всем людям, является принцип "я хочу", целенаправленный на желание **расширения или сохранения царства "я — могу"**. Вот это-то "я могу" и есть ключевое понятие, которым оперирует автор при рассмотрении исторического прошлого и настоящего народов, входящих в состав того феномена, который именуется западно-европейской цивилизацией.

Сразу же здесь отметим, что на наш взгляд, автор книги приписывает принципу "я-могу" слишком решающее значение как бы самостоятельного фактора, тогда как "я-могу", по существу, играет роль приводного ремня к более глубокому и решающему фактору "я-хочу". Принцип "я-могу" имеет природу аналогичную вспомогательному глаголу "есть" во всяком предложении или суждении, поскольку не несет на себе ипостасных, так сказать, черт, не имеет сам по себе экзистенциального содержания. А именно эти экзистенциальные, онтологические свойства приписывает автор не только принципу "я-могу", но и понятию свободы, являющейся, якобы, целепричиной этого "я-могу". Но ведь "мощь", "действие",

* Андрей Московит, "Метаполитика", Strathcona Publishing Company, 1978.

”акт” сами по себе не являются мотивом социального или экономического поведения человека, а становятся таковым лишь в области спорта или, в худшем случае, при судорожном, инстинктивном и безрассудном проявлении энергии при нарушении нормального действия нервной системы. В каждом акте следует прежде всего выделить субъекта акта, затем предмет акта, реальный или мыслимый, движение воли субъекта (вожделение или отталкивание) и затем лишь средство — рычаг — актуальную мощь совершения акта. Добавим, что область человеческой потенции исчерпывается тремя концентрическими кругами с непостоянными границами: внешним, самым обширным и неопределенным — ”я-могу-но-не-хочу”, затем, средним, — ”я-хочу-но-не-могу” (вообще или до времени) и, наконец, самым ограниченным ”я-хочу-и-могу”. Переход от второго к третьему и объективация последнего — является лейтмотивом рецензируемой книги.

Так вот, А. Московит ставит тезис, что суть человека, как микродеятеля истории, выражается той энергией, с какой он способен устремляться к расширению своего ”я-могу”, а энергию эту он называет энергией осуществления свободы.

Границы индивидуального ”я-могу” обширны, ибо при любой попытке расширить их в индивидуальном порядке человек наталкивается на сопротивление либо природной среды, либо барьера других подобных волеизъявлений со стороны других индивидуумов. Подобную ограниченность мы наблюдаем также в среде низших субстанциальных деятелей, и естественной попыткой преодолеть ее является действие инстинкта стада или стаи. У человека действие такого инстинкта, уступающего затем место сознательной воле, выражается в стремлении к общественному образу жизни. Ограничивая свое ”я-могу” в некоторых аспектах, он его расширяет в большем количестве других аспектов, так как участвует в высшем плане ”мы-можем”, возможности которого, с ростом количества участников, растет не в арифметической, а как бы в геометрической прогрессии.

Этому же сопутствует переход от индивидуального к универсальному и от эгоистического к альтруистическому.

Мировая Воля проявляется на пяти уровнях: энергии, мертвой материи, растительного мира, животного царства и человека. На уровне же человека обыкновенно различаются четыре эволюционных периода: 1) охотничье-родовой, 2) скотоводческо-племенной, 3) оседло-земледельческий и 4) индустриальный. Каждый из этих периодов в свою очередь можно рассматривать в перспективе того, как в нем организованы труд, распоряжительность, управление и миропостижение.

Если индивидуальное ”я-могу” и не поддается еще отчетливому измерению, то его же социальное ”я-могу” можно уже определить, как ”совокупность реальных прав и возможностей, представляемых человеку законом, обычаем или установившейся практикой человеческих отношений”.

Структура данного общества оканчивается тем, каковы относительные размеры социального ”я-могу” представителей вышеозначенных четырех классов: рабочих, администрации, правительства и культурной (и культурной!) элиты.

В рамках первого класса, класса труда, возможны четыре вида отношений к ”производственному капиталу”: раба, слуги, наемного рабочего и самостоятельного хозяина-собственника. В результате тщательного сравнительного анализа соответственных типов в различных исторически сложившихся обществах, А. Московит приходит к заключению, что ”чем шире социальное ”я-могу” человека, тем больше энергии вкладывает он в свой труд, но тем труднее центральной власти пользоваться результатом его труда для своих нужд; чем уже ”я-могу”, тем меньше продукт, но тем проще его присвоение (властью)” (стр. 50).

Как же определяется представитель второго класса, класса распорядителей? ”Всякий человек, обладающий правом решать, что, из чего, в каком количестве следует производить, а затем — кому, когда и по какой цене продавать, оказывается тем самым причастным исполнению распорядительной функции” (стр. 52). На низких уровнях хозяйственного развития функции первого класса и класса второго могут перекрываться в одном лице. Соответственно своему определению автор различает ”служебное я-могу” (если данная должность может быть отнята властью и передана другому лицу) и ”я-могу частнособственническое” (если право собственности не может нарушаться центральной властью). Иными словами — чиновник и предприниматель! Каждая из этих систем имеет свои плюсы и минусы и на вопрос — кто же из этих ”распорядителей” перспективнее для общества — однозначный ответ дать невозможно. ”Расширение сферы частнособственнического распорядительства, — пишет А. Московит, — дает немедленное возрастание экономической и военной мощи Мы; но полное господство этого принципа, торжество рыночно-денежных отношений чревато стремительным ростом неравенства, уменьшением числа реальных распорядителей, экономическими кризисами, социальной враждой, политической неустойчивостью и, в конечном итоге, ослаблением Мы. Передача распорядительной функции в руки чиновно-служилого аппарата дает возможность стабилизировать положение, укрепить центральную власть, подавить внеш-

нее выражение вражды, связать огромные массы людей в единое Мы; но подобное сужение "я-могу" распорядителя резко уменьшает отдачу его энергии, неизбежно ведет к экономическому спаду, к ослаблению боевого духа нации, так что в перспективе стабилизация может обернуться полным умиранием Мы или феодальным распадом.

Поэтому задача политического мышления состоит не в том, чтобы остановиться на той или другой форме, а в том, чтобы ясно созная выгоды и опасности, заложенные в каждой, вырабатывать применительно к текущему историческому моменту оптимальное их сочетание" (стр. 70–71).

Несколько спорными и, может, наименее убедительными кажутся нам страницы книги, посвященные рассмотрению форм государственной власти. Отдавая себе отчет, что каждый строй имеет свои преимущества и свои недостатки, автор книги склоняется к тому, что "мы можем считать наилучшей ту форму власти, которая с большей готовностью станет изменять законодательство в сторону приближения существующих "я-могу" к идеально-оптимальным даже в том случае, если это поведет к сужению социального "я-могу" власть-имущих" (стр. 77). Автор, правда, оговаривается, что такие факторы, как уровень цивилизации, политическая культура народа, географическое положение и численность — все это создает столь своеобразное для данного народа и данного времени сочетание, что именно этот, а не другой вид власти является для него оптимальным, тогда как в других обстоятельствах и в другом применении тот же строй может оказаться губительным. Но не это вызывает наше возражение, а то, что из трех возможных классических строев — единовластия, олигархии и демократии, автор меньше всего жалуется монархию, причем не дает достаточно веских и убедительных доказательств своим предпочтениям.

"Как бы ни велика была власть абсолютно монарха, тирана, диктатора, сам он остается человеком и не может изжить в себе главное человеческое устремление — жажду расширить свое я-могу", — утверждает А. Московит и на этой спорной презумпции строит свою характеристику монархической власти. Свое "я-могу", по Московиту, каждый монарх всегда стремится расширить вне своего государства путем войн, преимущественно безрассудных войн, и внутри своего государства — путем урезывания прав своих подданных. Ибо, "ждать, что абсолютный монарх добровольно расширит социальные "я-могу" подданных, что значит ждать чего-то противоестественного, то есть чуда: что человек сам, своей волей сузит свое "Я-могу" в пользу других" (стр. 78).

Подобрав довольно тенденциозно ряд при-

меров монархов—тиранов для обоснования своей позиции, А. Московит вынужден все-таки отметить факт, что народы мира снова и снова с "непонятым упорством" возвращаются к идее единовластия, так как "есть в единовластии какая-то изначальная устойчивость, логическая завершенность", плетящая умы, и, добавляет он, "действительно есть в истории моменты, когда единовластие являлось подлинным спасителем для Мы" (стр. 79).

Второй вид правительственного строя, олигархия, т.е. правительство меньшинства, в настоящее время, да и вообще, редко выступает в чистом виде и длится сравнительно недолго; более часто выступает она в завуалированном виде как влиятельная партия или класс "за плечами" монарха или диктатора. Ее отличительная черта — дефензивность внешней политики и уязвимость в отношении ударов со стороны соседей-врагов. Олигархии могут быть основаны на аристократическом, денежном, партийном или теократическом принципе, наиболее же устойчивые из них — первые. Периоды "олигархического правления", с другой стороны, отличаются стабильностью внутригосударственной жизни.

Третий вид правительства, демократия, является правительством большинства, если и не абсолютного, то коалиционного; оно гарантирует наибольшие гражданские свободы, но способствует разложению общества и, "при всем внешнем отвращении к царям и королям демократическое правление на деле оказывается весьма доступным для установления тиранической диктатуры". А ведет к этому "социальная рознь, борьба партии, охраняемая законом анархия, беспомощность правительства" и т.п.

Отметим любопытный факт, что в настоящее время преобладают неясно выраженные типы правительств: монархии с демократическими и даже социалистическими правительствами (Англия, Швеция), демократии с президентами, права которых напоминают права конституционных монархов (Франция, США); республики, президенты — главы которых существуют как будто только для того, чтобы раскланиваться на дипломатических приемах (Германия, Австрия); демократии, скрывающиеся за своим фасадом плутократические и технократические олигархии и, наконец, "конституционные" республики диктаторского или партokratического типа (коммунистические государства). На наших глазах совершается возврат к теократическим формам правления в некоторых арабских государствах.

Окидывая взором все известные в истории формы правления можно поставить вопрос: наблюдается ли какая-нибудь эволюция формы власти как таковой? На этот вопрос приходится ответить отрицательно: новых изоб-

ретений в этой области пока что нет. Возможно, они появятся в новом, грядущем зоне. На деле же мы наблюдаем постоянную перетасовку уже известных строевых форм, разве что концентрация власти, результирующая из современного технологического размаха, принимает в некоторых случаях невиданные доселе размеры. В макро-истории заметно некое круговращение, вроде фаз органического роста от рождения до смерти, смены форм правления в жизни отдельных народов: теократия — монархия — революция — охлократия — диктатура — олигархия — вырождение и распад — и снова монархия...

На вопрос — что составляет военную мощь побеждающих народов? — А. Московит отвечает: "Боевой дух любого Мы, его моральный военный потенциал прямо пропорционален сумме всех социальных "я-могу", социальному "мы-можем", уровню свободы" (стр.92). Последующие оговорки, приводимые автором, сильно уменьшают убедительность и аподиктичность выше цитированного тезиса. Социальные "я-могу" ведь шире всего в демократических государствах, но последние, как мы теперь видим, меньше всего желают предаваться военным авантюрам. Ведь раньше сам автор книги утверждал, что это монархи, как правило, ведут войны для расширения своего личного "я-могу"! И не наблюдаем ли мы бесконечную уступчивость западных демократий в рамках пресловутого "детанта"? Боеспособность армий зависит от воодушевления идеей, от талантов полководцев, от обучения и снабжения, от дисциплины, которая ведь является сужением социальных прав и свобод гражданина...

Что же касается класса "миропостигателей" то с автором нельзя не согласиться, что под гнетом тоталитарных режимов климат для роста духовной элиты — неблагоприятен. Однако можно было привести много примеров, свидетельствующих об исключении из этого правила. Гонение на христиан вызвало как раз обратное действие... Однако и сам А. Московит не настаивает на том, что имеется *причинная связь* между социальным либерализмом и культурным уровнем общества, но отмечает, скорее, коррелятивность этих явлений.

Все, о чем трактовалось выше, относится автором книги к статике метаполитики, динамике же ее посвящена третья часть труда. Кто расширяет "социальное я-могу"? Ответ на этот вопрос автор дает, отправляясь от несколько драматизированной ситуации:

"Спросим теперь себя: что должен испытать человек, чтобы хотя бы мысленно покуситься на господствующий правоупорядок? Он должен был путем долгого жизненного опыта и рассуждений придти к убеждению, что существующие границы социальных "я-могу" оставляют воле столько же простора, сколько узнику —

тюремная камера. Он должен был осознать свое положение как гнет и испытать боль открывшейся ему несвободе. И дальше это испытываемое страдание неизбежно должно толкнуть его на один из двух путей: либо на преодоление установленных границ, на социальную борьбу, либо на преодоление собственных "еретических" представлений, на убеждение самого себя в том, что существующая система социальных отношений есть такая же данность как сила тяжести, движение светил, текучесть воды, твердость камня" (стр. 110).

Нам кажется, что расширять свое социокультурное "я-могу" можно почти в любых условиях, необязательно через страдания. И такая альтернатива, как выше, представляет собой некую стилизацию. Но ниже правильно отмечено, что субстанциональным деятелем "созревания" народа является тот человек, который, даже сознавая свое бесправие и беспомощность, в данной, худшей ситуации, готов "терпеть страдания, вызываемые этим сознанием, но не поступаться своим представлением о человеческом достоинстве и свободе, для которой он чувствовал себя предназначенным" (...): "и в этом мужественном выборе, совершающемся невидимо для окружающих, есть такое бескорыстие, такая чистая преданность невыразимому идеалу правды и свободы, что мы интуитивно чувствуем: должна быть прямая связь между таким духовным подвижничеством и процессом "созревания" народа" (стр. 112).

Такое созревание можно было бы назвать "социо-органическим" процессом. Верховная власть может содействовать такому росту или его тормозить, но рост сам по себе является интегралом индивидуальных волеизъявлений, кумулирующихся непреодолимым образом. Торможение этого роста может совершаться не только со стороны враждебно настроенного режима, в вертикальном, так сказать, направлении; всякое движение предполагает преодоление силы трения, которое выступает и в горизонтальном плане, со стороны со-граждан, на любом социальном уровне. Это — в природе вещей и событий. Всякий процесс есть *преодоление* чего-то.

Интересное учение о дуальности всякой реальности создал, например, китайский ученый IV в. до Р. Х. Цзоу Янь. Он постулировал, что всякое явление имеет две стороны, два полюса: Йин и Ян. Первый обнаруживает себя в явлениях низшего или в какой-то степени отрицательного характера, как например, мороз, слабость, женственность, земля...; второй же, наоборот, является высшим и активным началом, проявлениями которого будут соответственно сухость, жар, сила, мужественность, небо и т.п. У иных мыслителей мы имеем аналогичные "поляризации". Так вот, у Московита

такая пара полюсных реальностей представлена "неведеньем" и "веденьем", причем следует иметь в виду, что под "неведеньем" он разумеет не столько фактическое отсутствие знания, сколько некое принципиальное невежество, психологическую склонность к мракобесию.

Такая склонность, по всей вероятности, наследственна, на подобие того, как врожденными бывают "экстравертированность" и "интравертированность". Но сознательный человек может, если захочет, преодолеть врожденные склонности и таким образом формировать свою личность в какой-то степени *вопреки* натуре. "Неведенью" присуща, в преобладающей степени, мироориентация "инконкрето", "веденью" же — "инабстрактно". "Неведы" (назовем так этот психологический тип) держатся "земного" и индивидуального, "веды" же — "небесного" и универсального.

"Подобно тому, — пишет А. Московит, — как кинетическая энергия каждой молекулы, суммируясь, определяет собой температуру всего объема жидкости, так и духовная энергия выбора отдельных людей, соединяясь, образует некое свойство народа, которое мы договариваемся именовать *зрелостью*. Веденье и неведенье, переходя из тайников души индивидуального Я в реальность социальной жизни Мы, делаются более доступными наблюдению, придают специфическую окраску быту, культуре, политике, приобретают некоторые устойчивые признаки — одни и те же для разных эпох и разных стран, — по которым мы будем узнавать их" (стр. 121).

При данном соотношении "ведов" и "неведов" в данное время и в данном обществе, от занимаемых теми или другими более или менее значительных позиций в обществе, последнее либо прогрессирует, либо остается на нолевой позиции, либо регрессирует. Возможны, конечно, локальные движения, противоположные в данное время общей тенденции, но мы имеем в виду изменения длительных трендов.

Переход от одного типа цивилизации к другому (скотоводство — земледелие — торговля — индустрия) требует великих усилий и жертв, духовные же силы, нужные для этого, "появляются у народа тогда, когда выбор веденья становится в его нравственном настроении доминирующей силой" (стр. 133).

В области труда борьбу этих двух элементов А. Московит определяет следующее:

"В сфере организации труда в любую эпоху веденье стремится поставить положение работающего в зависимость от качества и количества его труда, стимулируя тем самым рост производительности; неведенье насаждает уравнилительный принцип, пытается повсеместно сгладить разницу между энергичным и вя-

лым, искусным и неспособным, рачительным и беспечным, что способствует упрочению социального мира, но ведет к резкому спаду производительной мощи во всех отраслях хозяйства" (стр. 154).

А как проявляется эта борьба в области распорядительства?

При каждом режиме, за исключением коммунистического, функции распорядительства исполняются, как уже было сказано выше, тремя основными типами: частными предпринимателями (собственниками), служащими (чиновниками) и корпорациями. Каждая группа этих административных деятелей имеет свои плюсы и свои минусы. "... различные отрасли государственной экономики в различные периоды времени требуют от распределителя то максимальной инициативы, энергии, мобильности, то, наоборот, дисциплины, субординации, стабильности" (стр. 156). Жизнь общества естественно стремится к оптимальному их сочетанию. Там, где желателен наибольший прирост национального дохода, там государство должно предоставить больше свободы частной инициативе; там, где государству приходится концентрировать капитал в своих руках (например во время войны), там правительство частную инициативу ограничивает в пользу чиновничества. В формулировке А. Московита это выглядит так:

"Высокий уровень зрелости в государстве всегда создает условия и тенденцию к передаче основного объема распорядительной функции в руки частного владельца; абсолютное или относительное снижение уровня зрелости неизбежно вызывает обратное движение, усиливает позиции распорядителя-служащего и может разрешиться полным его торжеством" (стр. 177).

В области *управления* — симпатии автора книги не на стороне монархии. В перспективе действия принципа коллизии неведенья — веденья он утверждает, что "абсолютная неконтролируемая власть одного человека над государством есть апофеоз торжества неведенья в политической сфере" (149), однако несколько дальше он же признает что "в истории встречается немало монархов, искренне стремившихся дать своему государству процветание и внутренний мир, озабоченных сохранением правильного строя социальной пирамиды" (стр. 160).

Там, где выбор веденья "поднял уровень зрелости народа на необычную высоту", там обретаются благоприятные условия для создания истинной демократии. Но демократия — самые недолговечные формы правления*:

* Мы с этим тезисом несогласны. На вид неустойчивые открытые демократические общества имеют свой род устойчивости и самообновления, которых нет у диктатуры. Прим. ред.

”Чем больше успехов достигает демократия в сфере производства и международного влияния, чем обширнее становится объем комфорта, богатства и мощи, тем сильнее оно слепит глаза и оглушает сердца. С другой стороны, среди избирающих веденье начинаются неизбежные раздоры, предопределенные тем, что одни сосредоточивают свою заботу на завтрашнем дне, другие — на судьбе грядущих поколений, третьи — на вечности. Культ свободы доводится до такого идолопоклонства, что начинают даже почитать свободу избирать веденье. Культ творческой инициативы доходит до того, что начинают поощрять инициативу покушений на свободу. Строгость объявляют деспотизмом, следование законам — бесчеловечностью, взимание налогов — эксплуатацией, наказание преступников — жестокостью, поощрение способностей — нарушением равенства, разнузданность — проявлением свободолюбия. Всякая граница — запрет, всякий писанный или неписанный закон подвергаются нападкам, теряют свою прочность, а вместе с ними теряет ее и государственный порядок. Перед угрозой этого разброда, идейных шатаний и надвигающегося хаоса дальновидное меньшинство, не видя больше в народе духовной устойчивости, склоняется к необходимости отнять власть у большинства и взять ее в свои руки” (стр. 182).

Руки — олигархии, диктатора или ... монарха!

В области мировоззрения ни философия, ни религия не гарантированы от захвата их позиций силами неведенья. Если философия держит курс на профанацию, то это знак, что она — неподлинная философия. Если церковь, должностная быть целенаправленной на вечное, связывает себя с земным, т.е. отождествляет себя с каким-нибудь определенным строем или партией, то она становится, в своем институциональном аспекте, ”гробом поваленным” и источник воды живой в ней если не иссякнет вполне, то все же значительно мельчает.

А. Московит заканчивает свою книгу констатацией, что во всякой ситуации, во всяких условиях, человек избирающий веденье, ”должен уметь угадывать и отыскивать людей близких ему по выбору, уметь быть солидарным с ними, уметь любить их вопреки разнице вкусов, привычек, мнений, взглядов, судеб, занятий” (стр. 228).

А каждый акт выбора веденья имеет также и религиозный смысл, ибо определяет участие человека в Божественном мироздании.

На этом рецензию интереснейшей и весьма поучительной книги А. Московита можно было бы закончить, если бы не искушение снабдить ее еще и комментарием-аналогом. Дело в том, что уже в 1839 году была издана книга

И. М. Гоэнэ-Вронского под тем же названием ”Метаполитики”, в которой мы находим интересную аналогию неведенью — веденью А. Московита в лице, так сказать, двух основных и гетерогенных политических ориентаций: партии божественного права и партии права человеческого. Вообще надо сказать, что в области политики, как и во всяком ином комплексе реальностей, намечается некая дуальность, тяготение к двум противоположным полюсам, как например: монархистов и республиканцев, правых и левых, реакционеров и прогрессистов, консерваторов и радикалов, ригористов и либералов, традиционалистов и реформаторов... у Вронского — это полюсы бытия и знания, веры и разума.

Эти пары политико-психологических предрасположений представляют собой как бы имманентное проявление трансцендентных сущностей Блага и Истины и наличие их в человеческой природе провиденциально. Задачей метаполитики, можно сказать, является осуществление того, что в партии, стремящейся к Благу, истинно, и того, что в партии, стремящейся к Истине, — благо. Попытки так называемого *политического центра нейтрализовать* эти противоположности ведут к *смещению*, т.е. к фактической отмене того, что мудро предусмотрено Промыслителем в виде этой дуальности. Последняя имеет характер антиномии, решение которой состоит не в отмене одного полюса другим, а в переходе в высший план, с сохранением накоплений, так сказать, элементов блага и истины. Отметим еще, что наряду с попытками центра нейтрализовать эти крайности, имеем еще политические комбинации ”левого центра” и ”правого центра”: первый устремляется от *законности к свободе*, а второй — от *свободы к власти*. Однако их центробежные устремления не имеют определенных границ, и потому первое, стремясь к свободе, вырождается в *анархию*, а второе — стремясь к власти, вырождается в *деспотизм*. Получается, что первое переходит от якобы-порядка к явному беспорядку, а второе — от якобы- беспорядка к ложному порядку. Где же выход?

Надо стремиться к всеобщему согласию относительно того, что жизнь народов должна определяться *нравственными законами*. Определение абсолютных условий нравственных законов предполагает опознание и установление признака абсолютной их цели. Признак этот (т.е. характерная черта, отличительное сходство) выражается в *категорическом императиве* нравственных законов, т.е. в практической и абсолютной необходимости их, в отличие от практической акцидентальности законов человеческой воли. (Например, ”не убий” — это нравственный закон категорического характера, ”будь умным” или ”будь счастливым” — это веление практической пригоднос-

ти).

Абсолютная цель нравственности основывается на причинной связи нравственности вообще с целью существования человека на земле и выражается в законе *нравственного прогресса*, целенаправленного на обретение высочайшего Блага и высочайшей Истины.

Если социальная политика имеет своим предметом общественную этику, то она должна действовать двумя, так сказать, каналами. Во-первых, социальная политика, исходя из того, что *есть*, и ограничиваясь настоящими нуждами народов, должна способствовать осуществлению нравственных законов, т.е. положительному установлению *справедливости* на земле. Во-вторых, исходя из того, что *надо* (должно, следует), социальная политика должна направлять человечество к его верховным целям — обретению Блага и Открытию Истины.

Осуществление нравственных законов на земле, в свою очередь, может рассматриваться в двух плоскостях, внешней и внутренней. Объективация их — это *поступки* человека над чистотой которых должно наблюдать юридическое установление, т.е. *государство*, над чистотой же *внутренних максим* человеческого поведения должно наблюдать этическое установление, т.е. *Церковь*, не зависящие одно от другого. Господство государства совершается в физических условиях времени и пространства; область Церкви — сверхфизическая, духовная. Когда государство берет на себя обе функции, то посягает на заведомо недоступную сферу: государство ведь не заглядывает в душу своих граждан, и тогда область эта остается без надзора.

Справедливость, т.е. нравственность внешних поступков, обязывает всех в принудительном порядке; чистота внутренних максим — дело совести человека.

Нравственные законы, отличаясь категорической императивностью, не созданы самим человеком, и поэтому их авторитет (и тоже обязательность) восходит к Законодателю. Обще-

ство, поэтому, скрепляется двойной дисциплиной: внешней — государственной и внутренней — церковной.

Верховная власть, таким образом, проистекает от Творца и, это говорит в пользу божественного права. А так как нравственный императив обязывает решительно всех людей, то он обязывает тем самым и главу правительства, будь он монархом, выборным президентом или диктатором. (Диктаторы, к сожалению, мало считаются с этим принципом!)*. Общая справедливость, однако, требует, чтобы каждый член государства, будучи в принципе разумным существом и в конечном счете — поданным самого Бога, имел право оценивать справедливость актов верховной власти и даже выступать против них в случае их очевидной несправедливой (поступки монархов не по Божьей правде!). Рассмотренная с этой точки зрения власть народа тоже оказывается суверенной: ведь права монарха и права подданого не являются абсолютными сами по себе, но лишь в меру "отражения" Закона абсолютного, т.е. божественного. Божественное откровение в его правовом аспекте не только нисходит через монарха на народ, но и от народа восходит, через монарха, к подножью престола Законодателя, ибо Дух Божий все пронизывает и дышит, где хочет! Поэтому правилен принцип: по Божьей благодати и по воле народа, на подобие того, как на Соборах участники определяли: "Изволися Духу Святому и нам!" Поэтому взаимопомощь и взаиморучательство партий божественного права и права человеческого являются взаимонеустрашимыми и онтически обоснованными стимулами для гармонического развития человечества на пути к его предназначению. Вронский считал, что самой лучшей формой правления является конституционная (или, как теперь говорят — правовая) монархия.

* Диктаторы современных тоталитарных государств совсем не считаются. Прим. ред.

Э. БРОЙДЕ

ЧЕХОВСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ. 1881—1981*

Цареубийство 1881 года открыло путь "великому" Инквизитору.

В том же году умер Достоевский, не понятый тогда Россией. Бесы сорвали принятой Конституции, подготовленной ходом реформ 1861 года. Инквизиторская партия утвер-

* См. книгу: Э.Бройде. "Чехов. Мыслитель. Художник (100 лет творческого пути). Катастрофа. Возрождение." 1980 (Нейманис, Мюнхен).

дилась как закон поведения и "мышления". Чехов всю жизнь, и по сей день — оказывает сопротивление узколобости замкнутых идеологий, затхлой футлярности "программ". В этой связи можно говорить о значении "Чеховских Университетов", противопоставляющих духовную культуру — пассивности, подчинению лжи и насилию.

Чехов перенял эстафету русской классики:

в драме "Безотцовщина", первом большом произведении, он раскрыл психофизиологию лжи красивых слов, "бесовщину" детей и отцов. Наученный горьким опытом истории и опираясь на общечеловеческую культуру, Чехов сумел избежать "капкана" любой догмы, идеологии.

За свою духовную свободу он подвергался нападкам всех политических группировок (смерть в 44 года). Чехов видел формирование партийщины нового типа, которая занесла топор над Вишневым Садам, символом России, культуры вообще. Писатель показал "генеральную репетицию" Инквизитора, который одних загибнотизировал красивыми словами, а других — страхом. Большинство, чуждое Духовной культуре, оставалось равнодушным, как и в конце XX века, что грозит уже глобальной катастрофой.

Суворин писал 29.4.1904 г. после "Вишневого сада": "... танцуют, так сказать, на вулкане, накачивают себя коньяком, когда гроза разразилась..." ("Новое время" № 10113). В это время спектакли совпали с гибелью адмирала Макарова, Азия нанесла удар... Чехов предупреждал, что возможны потрясения более опасные, нежели после Крымской войны. Топору, вырубаящему Сад, "противостоит" лишь Гаев с билиардным кием и Раневская с неудержимой добротой. Как и в "Бесах", здесь показано, что красивой демагогии Трофимовы научились у Гаевых, справляющих очередной юбилей "многоуважаемого шкафа"... Симеонов-Пищик весело пародирует Буревестника: "...великий философ советует прыгать с крыш... "Прыгай!", — говорит, и в этом вся задача. (Удивленно). Вы подумайте!" (т. 13, стр. 249, М. 1978, — произведения Чехова цитируем по 30-томному Академическому ПССП).

Горький писал К. Пятницкому после читки пьесы во МХАТе: "... не производит впечатления крупной вещи. Нового — ни слова. /.../ повеет на публику зеленой тоской. А о чем тоска — не знаю". (т. 28, стр. 291, М., 1954). Действительно, о чем печаль? Неужели о гибели Сада? Об "отсталости" Чехова писал Горькому его идейный соратник В. А. Поссе (11.2.1898 г): "... я верю в тебя, верю несравненно больше, чем в Чехова. Чехову шири не хватает. Знаешь, у него все же душа маленькая, душа русского интеллигента"...

Любой партийщине XX века ненавистна интеллигентность, плюрализм, духовная культура, вера. В пьесе Чехова "чудак" Леший, спасающий от уничтожения леса, бросает по адресу идеологов: "Если б вы знали, как здесь у вас тяжело и душно! Среда, где к каждому человеку подходят боком, смотрят на него искоса и ищут в нем... все, что угодно, но только не человека!... А когда меня не понимают и не знают, какой ярлык прилепить к

моему лбу, то винят в этом не себя, а меня же и говорят: "Это странный человек, странный!"... Так жить нельзя! Кто бы я ни был, глядите мне в глаза прямо, ясно, без задних мыслей, без программ"... (т. 12, стр. 157). Это главный урок Чеховских Университетов. Партийщина не может существовать вне футлярной "программы", этим и определяется их отношение к сложным проблемам, к Богу, к людям. Культура совершенно несовместима с групповщиной, какие бы прекрасные лозунги ни провозглашались очередными вождями. Независимо от национальной и партийной принадлежности, у каждого из "хороших людей" "... еще во чреве матери в его мозгу сидела наростом вся его программа... со всей ее шумихой, скукой и порядочностью". (См. 5,413 и примечания исследователей).

В записной книжке Чехова есть и конкретное предупреждение: как только дождутся идеологи "зари новой жизни", так и начнутся взаимные обвинения в пристрастии к рублю и шпионаже. Тоталитаризм XX века ("интернациональный"), являясь не б о я л с я м в истории феноменом, выпестовал замкнутые партии и госмеханизмы, как смерти боящиеся "проникновения" и з в н е ("шпионаж"). Искоренение культуры России происходит как борьба с "вражескими лазутчиками" из-за кордона.. истории. Закономерна и зоологическая ненависть тоталитаризма ко всему "иностранному", ко всем "иностранцам", соседним странам, "чуждым" влияниям. Характерно, что за всю историю России дореволюционной — ни один из писателей, поэтов не был расстрелян за "шпионаж", недостаточную "любовь к родине и правительству"... Воспаленное, болезненное воображение, животный ужас перед всем "чужим" — неизменное качество тоталитаризма, которое передается всем. Страх перед "чужими", "органами" — душист разум и чувства, парализует волю многих, не говоря о миллионах людей, потребляющих эту "духовную" пищу с восторгом и трепетом. В записной книжке Чехова сказано о страхе: "Умер от того, что б о я л с я холеры" (1, —113,7). В наше время "умирают" от подозрительности, инертности, г и п н о з а удава...

Идеологический фанатизм существовал, разумеется, задолго до возникновения тоталитарной партийщины. Не обязательно обращаться к египетским мумиям, бесноватости Ивана Грозного, прототипам шекспировских героев. Достаточно красочна и поучительна даже история одного XIX века.

Противоборство Добра и Зла было всегда трагическим "фоном" любого поиска, вообще развития, жизни. Но только в XX веке возник феномен "механизма", устремленного к уничтожению м и р о з д а н и я: убивается жизнь Духовная, воля к сопротивлению. И это "со-

тояние” — не какой-то эпизод в истории, но реальный конец человеческой личности. Человечество может спасти здоровое чувство самосохранения, если возникнет сопротивление.

Последний русский классик эпохи предтоалитаризма — Антон Чехов — гениальной “интуицией” предсказал “состояние” катастрофы. Это и “Вишневы сад”, над которым занесен Топор, это и трагедия дяди Вани, духовно уничтоженного кумиром — идеологом: — “До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманить свои глаза вашей этою схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, — и думал, что делаю хорошо. А теперь, если бы вы знали! Я ночи не сплю с досады...” (13,70). Неожиданное прозрение, ведущее к духовному сопротивлению, — характерный чеховский прием. Но если, во времена юности Чехова, выстрелы Веры Ивановны Засулич, так потрясшие Достоевского, “казнили” власть имущих, то дядя Ваня — стреляет в “светлую личность”, чего старались “не замечать” красноречивые Ермиловы. Это не укладывалось в привычное представление о Чехове как “предтече” Горького, соцреализма.

Войницкий хоть в конце жизни, но все же решается на бунт против “передовых” Серебряковых: — “... Где он? А, вот он! (Стреляет в него). Бац!

Пауза.

— Не попал? Опять промах?! (С гневом). А, черт... черт бы побрал... (Бьет револьвером об пол и в изнеможении садится на стул.)...”

Выстрелы неудачны, но — не безрезультатны. Далее следует ремарка: “Серебряков ошеломлен”... (13,104).

Это означает конец власти партийщины. И если все продолжают механически “служить” Идолу, под заунывную музыку Ильи Ильича, то тем острее чувствуется необходимость переоценки ценностей, возрождения. Чехов, как и Пушкин, Толстой, Достоевский, отвергал насилие, революцию*, — речь идет о символической революции. Исследования показывают, что уже в таганрогской гимназии Чехов был знаком со многими, разделявшими революционные убеждения. Дядя Ваня обвиняет Серебрякова в том, что он 25 лет пережевывает “чужие мысли о реализме, натурализме и всяком другом вздоре./ .../ И в то же время какое самомнение! Какие претензии!” (13,67).

25 лет “назад” от “Дяди Вани” и “Лешего” — это эпоха Чернышевского. Мать Войницкого и по сей день обоготворяет Серебрякова, в течение всей пьесы она не расстается с брошюрами Учителя, обвиняет сына в измене “светлым идеалам”, на что Ваня резко отвечает: “Но мы уже пятьдесят лет говорим и говорим,

и читаем брошюры. Пора бы уж и кончить. /.../ О, да! Я был светлюю личностью, от которой никому не было светло...” (13,70).

50 лет назад — это эпоха Белинского, оставшегося и при Чехове божеством радикального лагеря. Чехов ведет читателей к пересмотру шаблонов, стереотипов мышления: “консерватор”, “либерал”, “положительный”, “отрицательный”, и многое другое. “Дядя Ваня” выносит приговор всем идеологическим богам: “... Все наши мысли и чувства принадлежали тебе одному. /.../ ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю!” (13,101–102).

Чехов показал “гибель богов”, паразитировавших на искусстве как средстве массовой пропаганды своих доктрин: “Но теперь у меня открылись глаза! Я все вижу! Пишешь ты об искусстве, но ничего не понимаешь в искусстве! Все твои работы, которые я любил, не стоят гроша медного! Ты морочил нас! /.../ Ты погубил мою жизнь! Я не жил, не жил! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни! Ты мой злейший враг!” (13,102).

Чеховым вскрываются коренные причины катастрофы: догматизм партийного “мышления”, узколобого фанатизма, каким бы цветом флага сие ни прикрывалось. Чехову посчастливилось быть “оцененным” самим Чернышевским, — который уже на воле писал (7.8.1888 года) Барышеву, что тот значительно талантливее, нежели Чехов. Непонимание художественного творчества было характерно для Чернышевского; он оставался равнодушным к Шекспиру, стихам Пушкина; “Борису Годунову” — предпочитал Рыльева и т.п. Современный исследователь рассматривает обстоятельства, сформировавшие Вождя: “... Ему, несомненно, импонировало, что сверстники видели в нем черты Спасителя... Он даже поправлял Христа, /.../ он уже давно перестал верить в Бога, однако вера в собственную исключительность еще более укрепилась в нем”. (См. “Свантевит”, 1–2, 1980, стр. 40).

Достоевский обращался и к этому прототипу великого Инквизитора. “Спаситель” России мечтал о “... железной диктатуре, перед которой бы все трепетало, как перед диктатурой Белинского”. (Письмо Чернышевского — Тургеневу, 7.1.1857). Чехов, отвергавший любую партийщину, знал, что в ее рядах всегда формируются “Спасители”, извечно мечтавшие о железной диктатуре, — во имя счастья народа, разумеется... Современник Чехова, Л. Шелгунов вспоминал, что многим нравился “ехидный тон”, самоуверенность Чернышевского и Добролюбова, толпа верила, что властители дум “...все знали, все понимали, могли разрешить все проблемы”. (“Чернышевский в воспоминаниях”, т.1, стр. 193, 210).

* Отвергать революцию можно и нужно было в н о р м а л ь н о м государстве. Прим. ред.

Чехов любил повторять, что "все знают и все понимают только дураки и шарлатаны". (Щеглову, 9.6.1888).

О способности толпы впасть в гипноз, рабски покоряться "авторитетам" — говорится почти во всех произведениях Чехова, показавшего во всем многообразии "массы", из которых были сформированы тоталитарные режимы: "Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободомыслия у нас на Руси будут царить такие жабы и крокодилы, каких не знала даже Испания во времена инквизиции. Вот Вы увидите!" (Плещееву, 27.8.1888).

Инквизитор Достоевского — это "невинное детство" по сравнению с деяниями возмужалой партийщины XX века. Чехов так характеризует Вождей: "Узость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести сделают свое дело" (там же). Культура — оружие против лжи идеологов, которые "напустят такой духоты, что всякому свежему человеку литература опротивеет, как черт знает что, а всякому шарлатану и волку в овечьей шкуре будет где лгать, лицемерить и "умирать с честью"... (Там же).

Корней Чуковский подчеркивал, что Чехов боролся против "тирании готовых идей и общепризнанных догматов". ("О Чехове, 1967, стр. 73). Подводя итоги, размышляя о судьбах России, И.Бунин вновь обращается к Чехову, сочувственно цитируя книгу Марии Александровны Каллаш: "Чехов, внимательно читаемый теперь, после кровавой русской катастрофы, не только не кажется изжитым до конца, но становится гораздо ближе, во многом понятнее и неизмеримо значительнее, чем прежде". ("О Чехове", стр. 122). Это было сказано в 1934 году, когда жила еще... персональная пенсионерка Елена Степановна Щепотьева, — это она причислила Чехова (в "Русской Мысли") к "жрецам беспринципного писания", что означало в конце XIX века сотрудничество с "органами" охранительной литературы... (См. "Чехов и его время", М., 1977, стр. 272).

Чехов написал перед выездом на каторжный Сахалин: "Я, пожалуй, не ответил бы и на клевету, но на днях я надолго уезжаю из России, быть может, никогда уж не вернусь..." Атмосфера, кажется, напоминает конец XX века...

Щепотьева, будучи "ученицей" Белинского, Михайловского и др., исходила в оценке искусства из соображений "высшей" нравственности. На подобные догмы Чехов ответил: "... нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа..."* (Щеглову, 22.3.1890).

* Христианин скажет, конечно, наоборот: Иисус Христос дал нравственность. Прим. ред.

Щепотьевы составляют "инструмент" идеологии во все времена... "Как люди охотно обманываются, как они любят пророков, вещателей, какое это стадо", — отметил Чехов. Исследуя психофизиологию "красивой" лжи, писатель показывал, что уже в школе формируется стадное "мировоззрение" миллионов: "... в 5 классе гимназии поймал 5—6 чужих мыслей, застыл на них и будет упрямо бормотать до самой смерти..." (Плещееву, 8.10.1888). Чехов написал несколько томов юмористических рассказов о городской "массе" пореформенной России, оторванной от почвы. Позже эта "толпа" стала носительницей "самой передовой" идеологии, что показано Булгаковым, Зощенко, Замятиним, Платоновым и др. Чехов писал об этих носителях "прогресса": "Толпа думает, что она все знает и все понимает, и чем она глупее, тем кажется шире ее кругозор" (Суворину, 30.5.1888).

Таков и Иван Егорович Краснухин, формирующий мнение масс: "... деспотизм и тирания над маленьким муравейником, брошенным судьбою под его власть, составляет соль и мед его существования." (5,406.М., 1976). Партийщина выпестовала "массовидных" идеологов, у которых любая мелочь кричит о верности программе: "... все, каждая самонаименнейшая безделушка, носит на себе характер обдуманности и строгой программы. /.../ том Белинского с загнутой страницей. /.../ газетный лист... с крупной надписью на полях: "Подлю!" ... "Вид у него такой, точно он ждет обыска или замышляет самоубийство. /.../ говорит тоном Лаэрта, собирающегося мстить за свою сестру..." (5,404).

Вот литературный критик Владимир Семенович, "которому очень шло, когда он говорил: "Нас немного!" или: "Что за жизнь без борьбы? Вперед!" ... искренно веровал... в свою программу, не знал никаких сомнений..." (5,414). Но для захвата власти необходима партия особого типа, абсолютная диктатура и Вождь: "Шелестов — председатель. Прежде всего он почистит авгиевы конюшни. Знобиша — вон! Терхарьянца — вон! Уважаемых товарищей иудейского вероисповедания — вон! Со своей партией он сделает то, что к январю в Обществе не останется ни одного интригана". (Рассказ "Интриги", 6,363.) Шелестов — герой "октябрьского инцидента" (совпадение) мечтает пока всего лишь о захвате власти в обществе врачей... Важна чеховская символика, та или иная окраска знамени — не столь уж существенна.

Например, кто посмел сказать о Шевченко: "... осел, дурак и пошлец, горький пьяница по патриотизму хохлацкому... либеральной свинья, годная только на сало"... и т.п. Можно предположить, что эти оскорбления — от партии консерваторов, шовинистов... Нет, так

сказал апостол "либерализма", В. Г. Белинский — о своем единомышленнике. Так же как и Гоголя, Достоевского позже он предал анафеме, как и другого представителя "врагов народа": "... одного страстно желаю в отношении к нему: чтобы он валялся у меня в ногах, а я каблуком сапога разможил бы его... физиономию... Пусть заведутся черви в его мозгу, и издохнет он в муках — я рад буду." (См. "Свантевит" № 1, 1975, стр. 109.)

Это сказано в адрес Полевого, писателя, просветителя, с которым Вождь раньше разделял славянофильские убеждения... В молодости Белинский был "реакционером", что не мешало ему высказать "передовую" мысль: "Люди так глупы, что надо насильно вести их к счастью, да и что кровь тысяч в сравнении с унижением и страданием миллионов". (Там же, стр. 71.)

Психофизиология насилия, фанатизма, как всегда, — "освящается" прекрасными намерениями... О "левых" Чехов писал: "... чувствует мое сердце, что они что-то губят, душат, что они по уши залезли в свою и чужую ложь". (Маслову, 7.4.1888). О "правых" и "левых" — вместе: "Когда в нас что-нибудь не ладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим: это француз гадит, это жида, это Вильгельм,..." — это призраки, но зато как они облегчают наше беспокойство!" (Суворину, 6.2.1898). Поиск козлов отпущения сегодня "продуктивен"... Но ведь не культура древнего Китая выпестовала Мао, — дракон вскормлен Лениным и К^О. Равно как и Гитлера вдохновили не Бах, Гете

или Эйнштейн. Марксизм-ленинизм порожден отнюдь не наукой, культурой и религией: Моисей, пророки и Христос — учат не этому.

Малюта Скуратов и "сын народа" нарком Ежов — не репрезентанты русской культуры. Свободолюбивая Польша — не без основания причисляет Феликса Дзержинского к страшнейшим "катам польского народа". Грузины справедливо считали Сталина и Берия — палачами своего же народа, врагами освобождения Кавказа. Евреи прокляли октябрьский переворот как начало геноцида, "выкорчевывания" культуры и религии. Владимир Жаботинский — еще до 1905 года считал революцию и социалистическую демагогию — губительной для еврейства и всей общечеловеческой культуры. Ю. Марголин — одним из первых мужественно разоблачил ГУЛАГ и показал, что коммунизм означает катастрофу для всех: русских, евреев, немцев, поляков...

Достоевский показал российских бесов революции, ставрогиных и верховенских, да и сам имел мужество говорить о своей ответственности за активную работу в "партии" Спешнева, готовившего царевубийство, пропагандировавшего "Письмо Белинского к Гоголю"... Наконец, Чехов показал, что дворянин Иванов и его жена Сарра — погибли от своего же увлечения революционной фразой: "... возбужденность присуща нашей молодежи в крайней степени... Социализм — один из видов возбуждения". (Суворину, 30.12.1888).

(Окончание следует)

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Сохранение родной речи — прямой долг За рубежом; если его не выполняем, на что мы годны? И еще, куда ни шло, в быту; но уж в печати, в газетах, по которым равняется обыватель, их ежедневно проглатывая! А как мы пишем?!

Выделяется неряшливостью "Русская Мысль" (а столь гордое имя носит!), выходящая, однако, в старом центре прежде высокой эмигрантской культуры. В любом номере перлы, вроде *50 пьастр*, вм. *тиастров*; или объявление о курсах — по изучению **русского языка!** — в *Кенигштайне* (по-русски полагается *Валленштейн*, *Витгенштейн*, *Рубинштейн...*); *старику Таль* (по-русски пишут *Владимиру Далу*, *Анри Стендалю*). Не слаще с "Русской Жизнью", где находим: *в частной одежде*, вм. *в штатской*; *слиток золота в 4 паунда (!)*; *лайсенс (!)*; *без комментариев*, вм. *комментариев*. Хромает и "Новое Русское Слово", сооб-

щающее о продаже *токенов* (значков?) и без нужды меняющее написание исторических имен: *Александр Селькирк* превращается в *Сэлькэрка*. "Наша Страна" меньше грешит в сфере словаря, но не ладит с транскрипцией: "*Ле Нувел Обсерватер*", вм. "*Ле Нувель Обсерватер*" (как передаются у русских названия *Невшатель*, *Монреаль*, *Брюссель*) и почему-то *Новый Южный Уэллс*, вм. *Уэльс* (а уж второе *л* откуда же тут взялось?). Хуже всего — употребление буквой *э*; когда встречаешь раз за разом *пэсо*, *дэ Мэндоса* и пр., начинает казаться, будто слушаешь анекдот с передразниванием кавказского акцента. Наши классики, наши географы, историки, переводчики так прежде не писали; не пишут так, слава Богу, и теперь в Советской России.

В превосходном письме в редакцию "Русской Мысли", В. Зарубин, с тонким ощущением оттенков, определяет эту газету не как рус-

скую, а только как русскоязычную, выражает следующие — подлинно русские, без вычек! — мысли: "Меня возмущают некоторые высказывания антирусского характера на Ваших страницах, что придает, боюсь, Вашей газете плохую репутацию... хоть мы и благодущны и снисходительны, но когда уж нападают на нас, на наш народ, на нашу историю — на нашем же русском языке — молчать мы не можем и не смеем".

В интервью с неназванным вьетнамским беженцем, привлекают внимание умные, правдивые слова: "У нас... 15 лет назад... еще можно было относиться всерьез к социализму и марксизму. Сегодня же даже дети издеваются над этим. У нас презируют понятие социализм."

Касааясь ирландских событий, русскоязычная парижская газета выдает, что сердце ее целиком принадлежит короне английской; особенное негодование у нее вызывает, что заключенные ирландцы в тюрьме занимаются *гэльским* (т.е., понятно, гаэльским!) языком. Что ж это британские власти разлиберальничались! запретить! искоренить!! Пылко, взволнованно отстаивает "Русская Мысль" протестантов от ущемления их прав католиками; а мы-то, по простоте, думали, что на Зеленом Острове в роли преследователей всегда (и поныне) выступали оранжисты, расправляясь без церемонии с нелюбезными им *патистами*. Пугать же нас, что ирландцев-де поддерживают большевики, есть маленькая передержка: коммунисты всюду стараются использовать в своих выгодах несправедливости, когда они налицо (как в разделенной надвое Ирландии).

Выступление Солженицына о русско-украинских отношениях показывает, что он все лучше разбирается в проблеме, отходя от взглядов, сперва ранивших под его пером национально настроенную часть русской эмиграции. Нетерпимость, узость и недобросовестность сепаратистов становятся ему ясны, и нереальность соглашения с ними, видимо, брезжит перед его глазами.

Научно-популярные статьи — преползшая вещь; когда грамотные. Не все из тех, что дает "Новое Русское Слово", достойны сего эпитета; Л. Кэй именуется хеттов *хитгитами*; Р. Днепров баскский язык — расконским (и, похоже, считает его диалектом испанского); *Великобритания* не то же самое, что *Великая Британия*, и жаль, что в заметках от редакции эти понятия смешиваются. Р.Белецкий в письме в редакцию дельно констатирует: "Американская демократия за последние 20 лет превратилась в плохо прикрытую анархию. Ежедневно убивают, насилюют, грабят". И вот почему: "В школах отменили молитвы. Из учебников было выброшено все, что прививает патриотизм, мораль, приличие. Зато ввели сексуальное обучение, без которого обходились тысячи лет".

В обширном исследовании о 3-ей волне Г. Табачник несколько агрессивно намекает, что, мол, новейшие еще посмотрят, примыкать ли им к русской эмиграции. Что же? Кто хочет, мы их примем как своих; а кто не хочет, — силой не тащим...

После очередного продолжения в "Новом Журнале" № 142 убеждаемся, что роман Г. Сомова о Пушкине решительно плох. Николай I и его отношения с Пушкиным освещены согласно насквозь лживому, казенному советскому канону. Персонажи выражаются притом неестественным, неумело стилизованным под начало XIX в., слогом. Длинный этюд Р. Блинова о Г. Иванове выдержан в манерном, претенциозном тоне; словно бы свысока. Довольно любопытны воспоминания Г. Георгиевского о Н. Федорове. Курьезна таинственность, окутывающая рождение этого последнего: личность отца гадательна, матери — неизвестна вовсе! В спорах с Л. Толстым Федоров находился ближе к истине из двоих (хотя его собственные учения безусловно еретичны...). Очерк П. Палия о К. Циолковском — грустное свидетельство, что во все времена и везде настоящему ученому необычайно трудно добиться признания, и чем новее и важнее его открытия, — тем хуже для него! Ю. Соколов рисует свою службу в итальянской армии, в период 2-ой мировой, в стиле забавной буффонады; но война вообще, — а уж эта была в особенности! — нечто серьезное; и нам не смешно... Прочно врезается в память жуткий набросок Ю. Тролля "Гастрольная поездка в Мангышлак" (где добывают уран...).

Неисповедимы пути Господни! "Синтаксис" № 8, весь обаянный духом злобы, открывается импровизацией А. Синявского, глумливо похотывающего над "Святой Русью, провалившейся в атеизм" (ан, глядь, ныне атеизм своим чередом проваливается в Святую Русь...) И через него прорывается правда, — вспомним Валаама и его ослицу, — в форме рассказа про то, как в начале 30-х годов "православных священников партиями увозили на север... Но смотрит солдат охраны — в дверях вагона, в проеме, стоит Христос и помогает арестантам вскарабкиваться".

Л. Мартинез строго на нас прикрикивает, чтоб не смели гордиться, что мы — русские; должны быть счастливы и тем, что Запад нас за людей признает (да ведь не признает, г-н Мартинез!). Оно бы не так мерзко звучало по-французски, как по-русски: plus cela change, plus cela reste la même chose...

Под заголовком "Отчего мы молчим?", А. Янов объявляет *нерукопожабельными* все русские печатные органы за границей, позволяющие себе критиковать его особу или его деятельность; а именно: "Посев", "Современник", "Вестник Р.Х.Д.", "Голос Зарубежья",

”Русское Возрождение”, ”Континент”, ”Новое Русское Слово”, ”Новый Журнал” и ”Русскую Жизнь” (список можно бы и продолжить...). Рукопожабельные же, видимо, суть те, которые печатают г-на Янова; мы таких пока знаем 3: ”Синтаксис”, ”Новый Американец” и ”22”.

Сильнее всего в номере — ”На разных языках” М. Розановой: внутренний монолог, как лава, кипящий и клокочущий раскаленной злостью и лютой обидой. Откуда сии чувства, и обоснованы ли? Мы, вторая эмиграция, весьма остро подмечаем слабости и ошибки первой; но никому не пришло бы в голову предпринять столь исступленную на нее атаку. О тех же недостатках часто писали Тэффи и другие, более остроумно и менее ядовито. Почему Розанову так разъяряет невинное сообщение про **крюшон для морских дам**? Что ж дурного, если жены и дочери бывших моряков устроят пирушку в своей компании? Коль скоро ”Синтаксис” соорудит чай для сотрудников или соберутся где бывшие участники Демдвижения, уж верно их:

Никто не обидит,
Никто не осудит.

Напрашивается предположение, что мадам Розанову забыли на оный **крюшон** пригласить, или что она себя там почувствовала не на месте. Что нас не удивило бы, ввиду ее непреодолимой потребности реформировать и обновить устаревший эмигрантский язык путем введения в него мата и блатной музыки; которые нам, однако, совершенно не нужны; мы без них жили и дальше можем жить. Впрочем, обходясь без них и подсоветские писатели, даже пишущие из народного быта, и такие блестящие как Солоухин, Абрамов и Распутин. Отдельные же слова, — зря она беспокоится! — проникают и в разговор и в печать, когда в них есть надобность. В частности, против **раскладушки** (каковую мы-то охотно готовы допустить) выступал с протестами отнюдь не одряхлевший гусар или кирасир (категория людей, Розановой специально одиозная!), а новый эмигрант профессор Н.Ульянов, живший, учившийся и работавший в СССР и не менее ее знакомый с советским бытом.

Поставив задачей высмеять и уничтожить всех, имевших несчастье прибыть за границу прежде нее, Розанова строит прокурорскую речь на анализе газетных объявлений (и кроссвордов; согласимся с нею, что **кроссворд** куда лучше, чем крестословица, — термин, сочиненный, кажется, Набоковым). Но ведь элементарная справедливость требует согласиться, что в подобных отделах доминирует вкус публики, вкус клиентов. Диво ли, если ищущие вступить в брак через анонсы в прессе изъясняются вычурным и пошловатым слогом! Смеяться же по поводу объявлений гробовщика

(большевики уже не раз смеялись: пора-де вам всем в могилу!) легко, да глуповато: неужели помещать объявления остальных коммерсантов, а его — нет? И опять же: наверное, ведь и в газетах других этнических меньшинств в США, — в шведских, в итальянских, — тоже такие объявления печатаются (что не свидетельствует об их вымирании). Да утвердись там специальные газеты новейшей эмиграции, — и в них поди станут печататься.

Г. Померанц (в ”Снах земли”) описывает некую Иру, которая была, по деликатному ахматовскому эвфемизму:

Чужих мужей вернейшая подруга,
и не чуждалась бутылки; но в то же время страдала от большевиков, им не поддавалась и была в своем узком кругу хорошим товарищем. Он явно хочет нас эпатировать: а ну-ка, бросьте камень! А мы и не собираемся: один Бог без греха, и нельзя требовать совершенства от людей, живущих в нечеловеческих условиях. Мы только считаем, — и это уж твердо, — что обсуждаемая Ира была хороша не в силу, а вопреки своим слабостям; и без них была бы лучше.

”Борьбе” остро нехватает толкового ректора. Как она есть, — стыдно читать! В № 80—81, С. Женук хочет сказать Кюстин, а говорит: *маркиз дю Кюстрин* (sic). Г.Герус калечит подряд немецкие фамилии: *Манштайн*, *Райхенау* и даже *Клайст*; ему-то невдомек, но культурным людям хорошо знакомо имя выдающегося немецкого писателя Генриха фон *Клейста*, принадлежавшего к тому же самому знаменитому роду. Дабы щегольнуть эрудицией, Герус втыкает в русский текст английское словечко *холокаст*, не понимая, что оно значит. По-русски надо бы *всесожжение* (но Герус Библии не читал...); а уж если вводить соответствующее греко-латинское слово, оно бы звучало *голокауст*. Редакция анонсирует *книгу Валентина Ауски*; очевидно, автора зовут Ауска? Ничуть, он — чех, по имени **Ауский**. Зачем же нарушать традицию, — порождая сразу же недоразумения?!

Полномера занято огромной статьей А.Добровольского о социализме; он для краткости всюду ставит *соц-зм*, *соц-кий*, что смешно и режет глаз. Лучше бы отжал воду из своего вялого пространного пересказа книги Шафаревича, плохо им усвоенной. Так, в ней учение катаров охарактеризовано как **самоубийственное**; не зря, а за дело, ибо они отрицали брак и порицали деторождение; а Добровольский удивляется: за что-де и почему?

Размышления Д.Панина о путях революции в СССР глубоже и важнее остального; но что ни шаг он делает натянутые допущения. ”Когда Запад поймет, что ... должен иметь... союзника — народы СССР”. Увы! жди, когда рак свистнет! Или, скажем, предполагается, будто в

борьбе с большевизмом идеологическое меньшинство покорно уступит сразу же определившемуся большинству. И не уступило бы; и самое определение, чьи идеи сильнее, было бы процессом долгим, зыбким и спорным.

Коротенькая статья Л. Ошанина — полностью непонятна. Кто это такие "наши земляки, хорошие люди за границей"? То ли старые эмигранты, то ли новейшие; то ли члены какой-то определенной партии... то ли все это просто "слова, слова, слова", без определенного и конкретного смысла.

Если журнал желает продолжать или возрождать Власовское Движение, напомним: оставшийся от Р. О. А. золотой фонд — подвиг и муки; не идеология. Идеологии в годы войны с большевизмом значение не придавалось; все понимали, что из-за немцев нельзя прямо и целиком сказать правду; и оттого монархисты и республиканцы, люди с разными взглядами, сражались сообща. После войны сочувствие всей новой эмиграции было с распинаемыми за святое дело власовцами; их знамя могло бы ее объединить (кабы не противодействие Запада, антагонизм старой эмиграции, ловкие интриги большевиков; плюс к тому внутренние ошибки и раздоры). Восстанавливать же — тем паче уж, вырабатывать, — теперь идеологию, когда и вожди-то уже давно сошли в мо-

гилу, было бы, по меньшей мере, рискованно; и нужно ли?

В монтерейском журнале "Наши Вести", органе союза чинов русского балканского корпуса, в номере за январь-март, автор передовой, Г. Месняев, что-то уж очень робко оговаривается: "Наше российское Воскресение не будет простым восстановлением старых форм политической и общественной жизни". В этих прежних формах имелось столько хорошего и так мало плохого (которое, разумеется, никто нарочно восстанавливать не собирается)! А впрочем, присоединяемся целиком к последующей его же фразе: "Воскресение это будет знаменовать духовное оздоровление русского народа и возвращение его к тем чистым источникам, которые когда-то определили то, что носило высокое название Святой Руси".

Большинство статей в номере ценно с точки зрения информации, отнюдь не исключительно военной. Отметим воспоминания Л. Сердаковского "С генералом Туркулом в Будапеште" и Л. Бертельса "Румынское пополнение Корпуса" и любопытную публикацию стихов Н. Давиденкова, умученного в советском концлагере, а также большое — и представляющееся убедительным — письмо Правления Союза Чиннов Русского Корпуса "В защиту доброго имени генерала Б. А. Штейфона".

Валентин ЗАРУБИН

НЕЗАМЕЧЕННАЯ КНИГА

Ladislav Bittman. "Geheimwaffe D." Verlag SOI Schweizerisches Ost Institut, Bern. 1973.

Призрак бродит по Европе — призрак терроризма.

Бродит ли этот призрак только по Европе? Нет, к сожалению, международный терроризм — это мировое явление, которое так внедрилось в нашу ежедневную жизнь, что мы уже редко удивляемся, узнав о новых террористических актах. Посягательство на жизнь, угон самолетов с применением оружия, похищения политических и общественных деятелей, убийства, шантаж, дезинформация и пропаганда — это новые формы борьбы против свободного мира.

Вспомним банду Баадер-Мейнхоф в Западной Германии, "Красные Бригады" в Италии, многочисленные убийства югославских политических эмигрантов в Западной Европе и Америке, покушения на болгарских антикоммунистов, убийства ливийских врагов пресловутого полковника Муамара Каддафи, террор в Северной Ирландии, Испании, Италии, Турции, "Красную армию" в Японии, "Тупамарос"

в Уругвае, палестинские ООП, Эль-Фатах, "Черный сентябрь" — перечислять можно еще долго, это всего лишь короткий список организаций международного терроризма.

Откуда же это явление, куда ведут его нити? Разобраться, как кажется на первых началах, не так легко. Участвуют в терроризме Куба, Ливия, Южный Йемен, Алжир и еще ряд других стран.

Ряд лет многие предполагали, но боялись сказать вслух, что за всеми этими действиями стоит Советский Союз.

Раньше, по разным причинам, считалось неудобным обвинять Москву во вмешательстве во внутренние дела свободных государств, хотя каждому было ясно, что международный терроризм, анархизм, марксистские "освободительные" движения, "Новая левая" — имеют прямую связь с Москвой.

В наше время каждому западному обывателю знакомо выражение "Калашников", т.е. стрелковое оружие, принятое на вооружение советской армии под официальным названием "7,62 мм автомат системы Калашникова образца 1947 г." (АК), а кроме того существует

модернизированный автомат (АКМ) и также ручной пулемет (РПК) того же названия.

Недавно западная публика познакомилась с ручным огнестрельным оружием — пистолетом системы Макарова, которым были убиты в Западной Германии Ганс Мартин Шлейер* и гессенский министр Гейнц Герберт Карри; им же был ранен и австрийский политик Гейнц Ниттель.

После победы Рональда Рейгана появились первые обвинения по адресу Советского Союза в организации, вооружении и помощи всем террористам, действия которых направлены против стран Запада; так например, Александр Хейг, а потом и президент Италии Сандро Пертини — прямо обвинили Москву в поддержке терроризма.

Сам Рональд Рейган чуть не поплатился жизнью, а бессмысленное покушение на Папу Иоанна — Павла II возмутило весь мир**. Кстати, интересно отметить, что стрелявший в Папу турок Мехмет Али Агча после ареста назвал себя коммунистом и палестинским террористом, хотя западная пресса упрямо называет его правым турецким неофашистом.

Для нас не столь важно, кто он, правый или левый, важно то, что посягательство на жизнь безоружных людей хочет вселить страх в население мира.

Устрашение Запада — одна из целей зачинщиков всех этих покушений. Кроме того, терроризмом, который в настоящее время свободно можно назвать партизанской войной против западного мира, можно иногда достичь многих политических целей, а в странах Центральной и Южной Америки, а также Африки — результаты в пользу советского блока очевидны.

Небезинтересно отметить, что в тех странах, где терроризм получил нужный отпор, кровопролития почти что прекратились. Так, после того как немцы отбили в Могадишо (Сомали) захваченный террористами пассажирский самолет "Люфтганзы", в Западной Германии на некоторое время почти что прекратились террористические акции; после введения диктатуры генералов в Турции прекратилась междуусобная война между правыми и левыми турками; не говоря уже об Израиле, где каждая террористическая акция палестинцев влечет за собой неотвратимое возмездие.

Ведь анархисты, террористы — тоже люди, и никому из них не хочется умирать; дело в том, что коммунисты всегда понимали только политику силы, политику твердой руки.

В самом Советском Союзе террористичес-

* Председатель союза западногерманских промышленников. Прим. ред.

** Мы думаем, что, увы, это покушение имело смысл для левых сил. Прим. ред.

кие акты караются самым жестоким образом (как правило смертной казнью), не говоря о том, что владение огнестрельным оружием строжайше запрещено.

Тому, кому небезинтересны корни международного терроризма, предлагаем прочесть книгу Ладислава Биттмана "Тайное оружие — Д".

Хотя предлагаемая книга Биттмана и была написана почти десять лет тому назад, в данное время она имеет актуальную ценность, потому что описывает работу чехословацкой разведки, в которой автор проработал целых четырнадцать лет, дослужившись до заместителя начальника отдела 8, или отдела "Д", что обозначает дезинформацию. Этот тайный отдел находился под прямым руководством министра внутренних дел и его советских советников.

Во времена правления Новотного министром внутренних дел был Рудольф Барак, которого в период десталинизации убрали, заменив новым министром, Любомиром Стругалом. Шефом чехословацкой разведки стал Йозеф Хуска, которому и был подчинен отдел дезинформации.

Еще в 1959 г. в советской разведке появился новый отдел, отдел дезинформации. Одним из его руководителей стал генерал ГБ Иван Иванович Агаянц, образованный, неглупый, но совершенно беспринципный, циничный интриган. Хороший организатор, он впоследствии принял участие в организации аналогичных отделов в Восточной Германии, Польше, Венгрии и Чехословакии. С первых дней Биттман, юрист и старый коммунист, знающий несколько иностранных языков, был введен в организацию как заместитель начальника этого отдела в звании майора ГБ.

Чехословацкий дезинформационный отдел, после советского, является самым крупным в советском блоке. Количество особых операций, проводимых этими отделами, по подсчетам автора доходит до четырехсот в год. Они направлены в первую очередь против Запада.

Задача этого отдела, как уже было сказано, дезинформация, пропаганда, фальсификация данных и фактов, вмешательство во внутренние дела других стран.

Разведка, которая делится на оперативный и неоперативный секторы, имеет в оперативном секторе четыре отдела: американский, западно-германский, европейский и афроазиатский.

Биттману приходилось нередко разъезжать по всему миру под маской мирного дипломата или торгового представителя. Но главным полем его деятельности были Германия и Австрия.

В 1968 г., две недели после оккупации Чехословакии, Биттман находился в Вене в качестве пресс-атташе. За ним началась слежка со-

ветской агентуры, он решил стать вместе с женой невозвращенцем. С тех пор он проживает в США, где и была в первый раз издана эта книга. Переведенная затем на французский и немецкий языки, она осталась почему-то незамеченной, или, может быть, ею интересовались только профессионалы, что очень жаль, ибо в ней есть очень много интересного и для русского читателя.

Тот факт, что Советский Союз тратит большие суммы денег и времени для подрыва Запада и эмиграции, должен всех насторожить.

Биттман со своими сослуживцами не занимался терроризмом, но другие параллельные отделы занимались "мокрыми делами". Так, ему достоверно известно, что в 1955 г. в Мюнхене чехословацким агентом Бертелотом был убит бывший словацкий министр и политэмигрант Матуш Чернак. Ему была послана по почте посылка с бомбой, при взрыве которой, кроме министра, погибло еще два посетителя почты. Кроме того, в конце 1953 г. в Австрии был похищен бывший заместитель премьер-министра Чехословакии политэмигрант Богумил Лаузман. Впоследствии он умер в тюрьме.

Один раз чехословацкие разведчики захотели повеселиться. Для этого им удалось подсушить слабительное в кухонную соль, употребляемую в столовой "Свободной Европы". Конечно, бедным сотрудникам этой радиостанции после обеда в столовой было не до смеха. Одной из интереснейших акций была кража картотеки подписчиков эмигрантской чешской газеты "Ческе Слово", что могло дать разведке возможность фальсифицировать эмигрантскую газету и переслать всем подписчикам фальшивый номер, напечатанный в Праге. Происходило много акций, направленных против судетских немцев.

Но все это мелочи по сравнению с той работой, которой начал заниматься отдел "Д".

Первой самостоятельной операцией, организованной Биттманом лично, была операция "Нептун". Биттман в свое свободное время занимался подводным спортом, и так один раз его осенила идея. Он решил депонировать в озере на чехословацко-немецкой границе несколько ящиков с фальшивыми, якобы нацистскими, документами. Он посоветовался с "советским дядей", — так за их спиной чехословацкие разведчики называют советских советников, — которому этот план очень понравился.

Добросовестно был подобран материал, в чем помогли и советские коллеги, прислав множество как фальшивых, так и настоящих гитлеровских документов. Однако уместно заметить, что автор, "съевший собаку" на разведке, был поражен огромными возможностями и размахом советской разведки, проделавшей очень большую и кропотливую работу.

Наконец, материал был подобран, запактован в ящики, и водолазы из министерства внутренних дел тайно, ночью весь этот "клад" погрузили в Черное озеро, но не на большой глубине. Через несколько дней были в озере "случайно" обнаружены нацистские сундуки и, в присутствии журналистов и местного населения, те же водолазы вытащили груз на берег.

На пресс-конференции, в присутствии иностранных журналистов, сам Стругал познакомил всех с "настоящими" документами времени второй мировой войны. Главная цель этой акции заключалась в намерении убедить общественность, как на Западе, так и на Востоке, что многие западно-германские и австрийские политики были в связи с нацистами. Так, например, был скомпрометирован бывший австрийский канцлер Курт фон Шушниг.

Удалось ущемить и национальное достоинство итальянцев, которым был подброшен документ о взаимоотношениях гитлеровской Германии с Италией Дуче.

Советский Союз всегда старался опорочить Федеративную Германию, представить ее в неонацистском свете, усилить антинемецкие чувства у других партнеров в НАТО.

Когда же Чехословакия договорилась выпустить большое количество немцев в Западную Германию за валюту и льготы, то самым непримиримым немцам-антикоммунистам выезд разрешался только при условии подписания обязательства сотрудничать с чехословацким КГБ. Несколько сот человек и подписало, и вот в западно-германскую контрразведку пришли сотни людей с повинной, что, мол, они были завербованы в Чехословакии. Из-за этих псевдо-агентов западным контрразведчикам было труднее разыскать настоящих шпионов.

Хотя Биттман и направлял свою работу в первую очередь против Германии и Австрии, главным врагом советской и чехословацкой разведки были США. Еще во время вьетнамской войны были предприняты все меры для ослабления Соединенных Штатов, вплоть до выступления по радио подставных лиц вместо убитых в войне солдат.

Многим африканским и латино-американским политикам были подсушены фальшивые письма и документы, якобы написанные американскими политическими деятелями, вплоть до президента США.

Такие сногсшибательные "доказательства" имели часто огромный успех, особенно в странах, где отношения с Америкой и так были весьма натянуты.

Отношения Чехословакии с другими аналогично действующими восточно-европейскими странами были неплохи, что чехам не мешало иногда и нелегально переходить границу в Восточную Германию для ознакомления с жи-

нию немецкого населения. Бывали и официальные встречи с дезинформационным отделом разведки Восточной Германии, которым руководит Вагенбретт. Венгерский начальник соответствующего отдела Янош Фюреш похвалился, что им удалось отправить сотни писем настоящих и подставных лиц на радиостанцию "Свободная Европа", в которых все пишущие просят пускать в эфир больше музыки и не давать очень острых антикоммунистических комментариев. При этом небезинтересно вспомнить, сколь много лиц требуют так же смягчения передач для народов СССР, что иногда приводит чуть ли не к промарксистским выступлениям.

Относительно болгарской и румынской разведок у него сведений нет. Хотя все восточно-европейские разведки, как в своих странах, так и за границей, работают под руководством советских разведчиков, неправильно считать,

например, чехословацкую разведку слабой. Она играет очень большую роль в организации подрывной работы в свободных странах.

Для того, чтобы пускать ложные слухи, пользуются и многими западными газетами и журналами. В Южной Америке существует даже газета, не считающая себя левой, которая всецело находится в руках органов чехословацкой государственной безопасности.

Кроме того, объясняет автор, в последнее время участились антисемитские выпады и нападки на государство Израиль.

Следует еще отметить, что все восточно-европейские разведчики должны теперь проходить обязательный годовой курс в Москве.

Резюмируя коротко эту интересную книгу, хочется сказать, что, по-моему, всем, ее прочитавшим, будет совершенно ясно, откуда у нас в свободном мире появились насилие и терроризм.

В дополнение к статье В. Зарубина редакция хочет ознакомить своих читателей с отрывком из статьи Карла Майца, посвященной той же книге Л. Биттмана. Статья напечатана в австрийском журнале "Интеграл" за 1981 г. № 5 под названием "Война слов". В этой статье Майц пишет следующее.

«Ключом к многочисленным ошибкам в оценке Советского Союза является выраженное даже известными советологами неверие в существование "великой стратегии", непреложного советского плана для захвата всего мира. От прежних советских экспертов по дезинформации Ладислав Биттман узнал, что интегральной частью этого плана является далеко рассчитанный глобальный план по дезинформации. Его первичные цели:

1. Отделить США от их союзников в Европе, Латинской Америке, Азии и Африке, изолировать США политически и морально. Антиамериканские чувства и эмоции ловко разжигаются прежде всего в связи с вопросом обороны, вооружения в рамках НАТО.

2. Нейтрализовать духовно, политически и в военном отношении Западную Германию. Для этого следует разложить и разрушить волю к сопротивлению, по возможности, ликвидировать всеобщую воинскую повинность. Соппротивление против строительства атомных реакторов — одна из классических целей подрывной стратегии, при которой не последнюю роль играет воинствующее "пацифистское" движение. В качестве тайных финансовых источников или как учителя радикальных кадров, как вдохновители памфлетов в демонстрациях выступают организаторы из Москвы или Восточного Берлина.

И над всем этим парит "фашистское привидение". Выбрасываются лозунги, что мир не

должен забывать "западногерманского реваншизма", распускаются слухи, что в Западной Германии все еще существует подспудно антисемитизм и утверждается, что самым опасным врагом для мира во всем мире все еще является фашизм.

Создаются многие совершенно абсурдные так называемые "теории фашизма", в которых любовь детей к родителям или любовь к ближнему, признание труда и достижений при помощи труда или возражения против материализма или коммунизма носят название "праворадикальных идей" — при таких определениях Папа Римский может попасть в главные фашисты.

Что же является целенаправленной информацией, а что "только" пропагандой или даже наивностью? В самом деле, трудно разглядеть, как функционирует этот механизм, трудно распутать узел, т.к. обычно дело идет о конгломерате различных плоскостей. В принципе дело функционирует следующим образом: через один из "каналов", как говорят специалисты, пускается в обиход полуправда (но не явная ложь). Одна единственная статья в какой-нибудь левой, даже совсем незначительной газете о "сенсационных фактах нового американского заговора" может иногда вызвать целую лавину. Другие журналы заинтересовываются этими сообщениями, перепечатавают, не имея возможности проверить источники. Общественность встревожена, демонстранты спешат на улицу, и снова многие правительства, особенно в так называемом "третьем мире", получают повод гневаться против "американских империалистов".

К счастью, мы можем, благодаря публикациям Ладислава Биттмана, показать ряд классических операций дезинформации, в которых

он сам участвовал.

Так, он говорит, и другие перебежчики из числа агентов КГБ это подтверждают, что разрисовка стен свастикой и волна антисемитизма, прокатившаяся в 1959/60 гг. и вызвавшая во всем мире возмущение, была инсценирована и проведена агентами КГБ. Так же существуют планы возбудить общественность против американского вооружения. У КГБ есть серьезные планы пустить в антарктические воды радиоактивные вещества, чтобы потом поднять во всем мире кампанию против атомных подводных лодок американцев. Недавно опубликованная в "Штерн" ("Звезда", левый немецкий журнал) карта, на которой отмечены места тайных складов ядерного оружия, должна послужить началом для целенаправленных демонстраций вроде таковых против Брокдорфа (Брокдорф — местечко в Западной Германии, где строится атомный реактор для атомной энергии, используемой для мирных целей, против чего было уже много демонстраций левых сил. Прим. ред.). Вообще советским пропагандистам часто удается помещать в обоих немецких журналах "Штерн" и "Шпигель" точно рассчитанные кремлевские взгляды на те или другие животрепещущие вопросы.

Одновременно Советский Союз бросает все силы своего самого сильного во всей истории человечества пропагандного аппарата на то, чтобы представить самого себя истинным ан-

гелом мира. Еще в 1931 г. Мануильский, многолетний шеф Коминтерна и бывший сотрудник Ленина, сказал: "Чтобы победить, нужен элемент неожиданности. Буржуазия должна быть усыплена. Поэтому мы пустим в ход самое театральное движение за мир, которое когда-либо существовало. Мы сделаем электризирующие предложения и пойдем на уступки. Капиталистические страны, тупые и декадентные, будут охотно работать над собственным разрушением. Они попадутся на удочку новой дружбы. И когда они откроют фланг, мы разгромим их сжатым кулаком."

Это "наступление мира" давно уже началось. Это применение принципа "мирного сосуществования". Что это означает, об этом можно прочесть у Ленина. Кроме того, нужно было бы знать, что "святейший" лозунг западной политики: "Для политики разрядки нет альтернативы" (канцлер Шмидт очень любит повторять эту фразу. Прим. ред.) был формулирован Юрием Андроповым, начальником КГБ. Профессор политических наук Клаус Хорнунг из Рейтлинга сказал, что только дьявольский ум пропагандиста-психолога чистой воды мог перенести с психоаналитической кушетки понятие "детант" (ослабление напряжения, разрядка) в политику.

Не разрешено ли сделать вывод, что мы имеем здесь дело с высшим достижением советской дезинформации?

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
 Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
 Банковский счет: Hypothekten — und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

"Почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?"

ЯН ПРОХАЗКА.

*Плохая история?
Плохие народы??
Плохие вожди???*

*НА ЭТИ ВОПРОСЫ ОТВЕЧАЕТ
ДОРА ШТУРМАН В КНИГЕ
"НАШ НОВЫЙ МИР"*

Рукопись книги "Наш новый мир" (Теория. Эксперимент. Результат.) циркулирует в Самиздате с начала 70-х годов под псевдонимом В.Е.Богдан и была нелегально вывезена из СССР. Автор, эмигрировавший в Израиль, дополнил рукопись (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно подтвердили достоверность "подпольного" анализа. А значит, труд Д. Штурман может быть своего рода ориентиром для прогнозов развития советской системы.

Объем книги – 360 страниц; цена, включая пересылку, – 10 долларов (стоимость в Израиле – 75 шекелей). Книгу можно получить, отправив чек по адресу:

Sergei Tiktin, 422/6 Talpiot Mizrakh, Jerusalem 93802.

Протоиерей Д. Константинов

V. Rev. Dimitry Konstantinow

**ЗАПИСКИ ВОЕННОГО
СВЯЩЕННИКА РОА**

THE CROWN OF THORNS
Russian Orthodox Church in the USSR
1917–1967.

1980.

ZARIA 1979.

Стр. 78 с илл. Цена \$ 3.50 с пересылкой.

344 pp. Price: \$10 incl. postage

Заказы направлять:

ZARIA Publishing Co. 73 Biscay Rd., London, Ontario, Canada N6H 3K8.

или

**V. Rev. Dimitry Konstantinow,
P. O. Box. 272, West Hyannisport, Mass. 02672.**

